

Lomonosov
Moscow State
University

Current Issues in the Theory and Practice of Modern English

Proceedings of the Conference

Edited by Associate Professor L.S. Karpova

Issue 1

Московский
государственный
университет
имени М. В. Ломоносова

Актуальные вопросы теории и практики современного английского языка

Труды научно-практической конференции

Под редакцией доцента Л.С. Карповой

Выпуск 1

УДК 811.111
ББК 81.432.1
А43

Рецензенты:

Миндели Елена Ираклиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;

Тренина Наталья Георгиевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международной коммуникации факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

А43 Актуальные вопросы теории и практики современного английского языка : труды науч.-практ. конференции / под ред. Л. С. Карповой. — Москва: КУРС, 2026. — 132 с.

ISBN 978-5-908098-21-2

Настоящий сборник научных статей посвящен актуальным исследованиям в области современной английской филологии. В Выпуск №1 вошли научные статьи, отражающие основные положения докладов, представленных авторами на первой, второй и третьей научно-практических конференциях *«Актуальные вопросы теории и практики современного английского языка»*, состоявшихся на кафедре английского языка механико-математического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 1 ноября 2020 г., 4 апреля 2022 г. и 1 ноября 2024 г. В статьях представлены результаты современных исследований в области лингвопоэтики, стилистики, переводоведения, а также практические аспекты преподавания английского языка на механико-математическом факультете.

Сборник будет интересен специалистам в области английской филологии и преподавания английского языка для специальных целей.

The present collection of research articles deals with current problems in modern anglistics. Issue 1 contains the papers written on the talks that were given by the authors at the first, second and third conferences *Current Issues in the Theory and Practice of Modern English*. The conferences were held in the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov MSU, on the 1st of November 2020, the 4th of April 2022 and the 1st of November 2024. The articles contain the recent findings of the research conducted by the authors in the fields of linguopoetics, linguostylistics, translation theory as well as teaching the English language in the Faculty of Mechanics and Mathematics.

This volume will be of interest to anglicists and teachers of language for specific purposes.

УДК 811.111
ББК 81.432.1

ISBN 978-5-908098-21-2

© Коллектив авторов, 2026
© КУРС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Английский язык для специальных целей

Карпова Л.С. On teaching English to students of mechanics and mathematics at Lomonosov Moscow State University	8
Старикова Е.И. Сопоставительный метод в изучении и преподавании английского языка для специальных целей	16
Шевцова В.М. Дискурс-анализ как модель для обучения реферированию	25

Филологические исследования

Герасимова А.С. Стилистические особенности перевода романа Томаса Бернхарда «Бетон» на английский язык.....	35
Герасимова А.С. Сохраняя образность: особенности перевода фразеологизмов, идиом и поговорок в романе Л.М. Олкотт «Ребята Джо»	48
Захарова А.В. Ключевое слово «money» в концептуальной структуре и лингвопоэтической организации романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»	66
Корецкая О.В. Научный термин как концептуальная метафора (на примере англоязычного медиадискурса)	78
Корецкая О.В. Кот Шрёдингера как лингвистическое явление в современной англоязычной культуре	87
Оберютина М.В. Актуальность феномена стилистического варьирования лексики в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера для преподавания английского языка	96
Оберютина М.В. Филологическое обеспечение связей с общественностью в романе К. Бакли «Зеленые человечки»	101
Tyurina E.S. The functioning and translation of English terms of physics in popular science discourse	106

Рецензии

Корецкая О.В. Рецензия на книгу: <i>Sarah Hart. Once upon a prime: the wondrous connections between mathematics and literature</i>	116
Наши авторы	129

CONTENTS

English for Specific Purposes

Karpova L.S. On teaching English to students of mechanics and mathematics at Lomonosov Moscow State University	8
Starikova E.I. The comparative method in learning and teaching English for Specific Purposes	16
Shevtsova V.M. Discourse analysis as a model for teaching abstract writing	25

Philological Studies

Gerasimova A.S. Stylistic peculiarities of the translation of Thomas Bernhard's novel "Concrete" from German into English	35
Gerasimova A.S. Maintaining imagery: peculiarities of translating phraseological units, idioms, and sayings in the novel "Jo's Boys and How They Turned Out"	48
Zakharova A.V. The key word "money" in the conceptual structure and linguopoetic organization of F.S. Fitzgerald's novel "The Great Gatsby"	66
Koretskaya O.V. Scientific terms as conceptual metaphors in English media discourse	78
Koretskaya O.V. Schrödinger's cat as a linguistic phenomenon in modern English-speaking culture	87
Oberyukhtina M.V. Public Relations in the framework of philology in "Little Green Men" by Ch. Buckley	96
Oberyukhtina M.V. On the current importance of the stylistic variation phenomenon in "The Canterbury Tales" by G. Chaucer for teaching English	101
Tyurina E.S. The functioning and translation of English terms of physics in popular science discourse	106

Reviews

Koretskaya O.V. A book review: <i>Sarah Hart. Once upon a prime: the wondrous connections between mathematics and literature</i>	116
Our authors	130

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ**

English for Specific Purposes

ON TEACHING ENGLISH TO STUDENTS OF MECHANICS AND MATHEMATICS AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

by Lyubov S. Karpova

Abstract. The article considers an approach to teaching the English language to students of mechanics and mathematics at Lomonosov Moscow State University as the language of professional communication in both written and oral forms and suggests a strategy that allows learners to gain the knowledge and skills necessary for effective communication in the international mathematical community.

Keywords: language for specific purposes (LSP), mathematical discourse, professional communication, language skills, effective communication.

Teaching English to students of mechanics and mathematics may be both challenging and rewarding. To begin with, an English teacher is inevitably confronted with a number of daunting difficulties connected with the subject of students' studies, i.e. mathematics and mechanics, for there is obviously a world of difference between the English language, on the one hand, and mathematics or mechanics, on the other. Yet, English teachers need not necessarily be acquainted with the fundamentals of Galois theory, algebraic number fields or elliptic curves, which ultimately turned out to be the missing link in proving Fermat's Last Theorem. Knowing the laws and rules of the language, English teachers can help their students vest their brilliant mathematical ideas into words and syntactic structures and control the accuracy of what is said in class or written in a paper provided teachers themselves have mastery of the English language.

Another thing is that unlike the times of Pierre de Fermat and Christian Goldbach, when correspondence was the main form of interaction among mathematicians, nowadays professional communication in the international mathematical community presupposes various forms, or genres, namely: talks at a conference, seminars, symposia, workshops, and colloquia, as well as lectures, scientific articles and even popular scientific articles, the latter two being published in mathematical journals available on the Internet. It means

that, besides the formal language of definitions, theorems, lemmas and proofs, a student has to master all the forms of professional communication and learn the laws of the genres, while an English teacher has to work out a strategy that would allow learners to acquire the necessary knowledge and skills. This is absolutely essential if our aim is to help students of mathematics and mechanics take an active part in the professional community.

Still, teaching English to mathematicians and mechanics, which is almost the same in our case, may be truly rewarding since their brilliant analytical mind allows them to grasp linguistic subtleties and use them to the best advantage to express their ideas in English both in speech and writing. It is this rewarding feeling of being an asset to a budding mathematician or mechanic in developing science that often supports mathematically non-initiated English teachers and encourages them to continue their noble mission.

But how can an English teacher who, for obvious reasons, does not know either mathematics or mechanics at university level set out to teach the English language to students of mathematics and mechanics? Is it at all possible for a philologist or linguist to teach the metalanguage of another profession? And if it is, from what perspective? How does an English teacher know that a student uses mathematical and mechanical terms correctly? Thus, questions multiply.

What follows is an account of the teaching experience of the author, who has been teaching the English Language to undergraduate students, master's students and postgraduate students of mechanics and mathematics at Lomonosov Moscow State University for over nineteen years now.

A good starting point in teaching a foreign language to non-linguists is to identify the goals of the course. When one thinks about the Faculty of Mechanics and Mathematics, one has to understand that one day current students of mechanics and mathematics will first and foremost have to communicate their mathematical ideas to the professional community and understand their foreign colleagues, give talks at international conferences, attend lectures or seminars, publish research papers in international journals and participate in international research projects. Yet, interaction within the mathematical community is not entirely limited to giving talks, attending lectures or seminars and writing research articles but presupposes carrying out some mundane tasks as well, e.g. booking a flight or a room at a hotel, setting up new acquaintances after a conference, joining colleagues for a café or theatre and even sharing personal experience of overcoming difficulties

in proving a ground-breaking theorem. Thus, the knowledge of English has to allow students of mechanics and mathematics to settle down everyday problems and perform tasks not directly related to their profession.

Therefore when teaching a foreign language — be it English, Chinese or Portuguese — it is essential to bear in mind that language is a means of communication — both professional and non-professional. And this is precisely the premise from which we proceed: the language we teach in the Faculty of Mechanics and Mathematics is *also* to be used for effective communication *outside* the mathematical community. Being the basis of everyday communication, General English forms an indispensable part of the linguistic competency of students of mechanics and mathematics.

Besides, General English is an excellent tool for expanding the boundaries of a student's familiar world by learning about subjects not related to their profession, e.g. the cultural and historical heritage of Russia, its vastness and natural riches, the architecture and painting of other regions and cultural periods (be it the Middle Ages or the Renaissance), as well as social issues and environmental protection, positive and responsible attitude towards people and nature, etc. So linguistic materials an English teacher uses for teaching language for general purposes should help students not only gain the linguistic experience necessary for discussing such issues in English but also contain new information about the arts, history and the world around us. This is especially relevant to non-linguistic faculties since their curricula include too many a specialised discipline and very few courses in the humanities.

All this, however, does not hamper the acquisition of the language for specific purposes and the language skills necessary in academic life. One of these basic skills is reading and understanding professional literature: by reading recent papers on mathematics and mechanics published in international mathematical journals in English, students can extend their knowledge of the research area they are involved in in the Faculty and later on use it in their own investigations. But there is one but here. An English teacher can hardly choose an appropriate reading material on a student's term paper for the reasons mentioned at the beginning of the present article. What an English teacher can do is assess the language of a scientific article and say whether it is written in good English or not. So the best person for this role seems to be the scientific adviser of a student, for he or she can say whether an article is related to a student's research or not. Moreover, by analysing the layout of scientific papers published

in international journals and studying the language they are written in undergraduate students, master's students and postgraduate students can learn how to write an abstract and an article — the skills that will undoubtedly be an asset in their future academic life. In fact, writing the abstract of a research article or a mathematical talk is one more skill that students and postgraduate students develop and practise in English classes in the Faculty of Mechanics and Mathematics [4, 5].

Still another useful skill that students acquire is that of preparing and giving short talks and computer presentations [1]. Perhaps the greatest difficulty in achieving this goal is to teach young specialists in mechanics or mathematics how to organize their talks, how much mathematics to include into a talk and what information may be considered optional. A good idea is to turn to the help of modern mathematicians whose native language is English and who are ready to share their valuable practical advice and experience with young specialists. After reading *Talks Are Not the Same as Papers* and *Be Considerate of Your Audience* by Terry Tao, who was the winner of the Fields Medal in 2006 and the Breakthrough Prize in Mathematics in 2014, or *Tips on Giving Talks* by Jordan Ellenberg, Professor of Mathematics at the University of Wisconsin-Madison, or *Giving a Talk* by another American mathematician Bryna Kra, students will hardly have any questions on how to prepare a mathematical talk and what amount of information to write on a slide, which saves an English teacher from the unnecessary selfless work of listening to hundreds of mathematical talks in order to come up with the idea of their structure and logical organization. The reader may find infinitely many sources on the Internet, but the papers mentioned above are the ones the author of the present article finds particularly helpful in her teaching practice.

There is, perhaps, one thing in teaching English in the Faculty of Mechanics and Mathematics that guarantees success and motivates learners — it is an opportunity to apply the acquired knowledge and skills in real settings because here students are particularly practically orientated. For this purpose, at the end of the English course, the Department of the English Language and the Faculty of Mechanics and Mathematics hold the *Annual Conference on Mechanics and Mathematics for Third-year Students* in English. In order to apply for the conference, students have to read a scientific article (approximately thirty pages long) related to their research in the Faculty and recommended by their scientific adviser, prepare a short talk on one of the aspects of the article connected to their own investigation in the third year of studies and write an abstract of the talk. Speaking at the conference requires a thorough

understanding of the subject of the talk, a sound knowledge of English grammar, and excellent public speaking skills in English, as well as the ability to present a talk in front of an audience of experts and discuss questions in English. All this requires a certain amount of personal motivation on the part of a student (especially if this is the first talk in their academic career), for it is really difficult to overcome stage fright and uncertainty that young people tend to have. But once they have done it, they feel they have completed some really important challenge and realise that they have not wasted their time attending English classes and doing homework.

Yet, as has been written above, all this is hardly attainable without a profound knowledge of English grammar. Due to its diversity nowadays mathematical communication involves the use of a variety of verbal forms and syntactic structures that were once thought to be typical of other functional styles and unnecessary for non-linguistic students, as professional communication was limited to reading and translating special literature and sometimes writing research papers, and proving a theorem or introducing a new definition required the knowledge of the metalanguage of mathematics only. Today researchers actively participate in the life of the academic community and often have to travel across the world carrying out international research projects and establishing academic contacts. It is due to ample educational and academic opportunity that non-linguists have to be able to communicate effectively in situations hardly related to their profession. So it would be a blunder to limit the teaching of English grammar to syntactic structures and grammatical forms that one is likely to come across in professional literature only. Such an approach would deprive future specialists of numerous opportunities that open up in the academic community. In addition, the language of mathematics and mechanics abounds in terms that collocate and colligate with other words, and if collocations are within the realm of lexicology, colligation is about grammatical patterns in which a term appears. Therefore despite a fairly modest amount of time allotted for the English language in non-linguistic faculties, an English teacher in the Faculty of Mechanics and Mathematics has to squeeze an intensive course of English grammar into the syllabus.

There is still one more difficulty English teachers have to face when they go into a classroom of non-linguistic students: learners are hardly familiar with the categories of English grammar that cannot be found in their native language. Thus, an English teacher first has to provide them with some linguistic knowledge that may facilitate the understanding of English grammar and help them establish a one-to-one correspondence between

the Russian means of expression of those specific categories and their English counterparts, and this is absolutely essential if we want our students to express their ideas and intentions adequately in English. The categories of deixis and modality may serve as good examples of the subjects that are usually taught at university level and play a crucial role in understanding the basic principles of the English articles and the modal verbs. Moreover, a good working knowledge of the Russian and English syntax is needed when studying the English syntactic structures that have no equivalents in Russian, e.g. the Nominative with the Infinitive (also known as the Complex Subject), the Objective with the Infinitive (also known as the Complex Object), the Nominative Absolute Participial Construction, as well as the Gerund and the perfect forms of the Participle.

And last but not least, comes pronunciation, which turns out to be a stumbling block for many learners of English. Mother-tongue features may influence a student's pronunciation and make their message difficult to understand. This, however, does not mean that English teachers have to spend endless hours trying to help their students get rid of their mother tongue's accent, which is a very good and even noble task in itself, but taking into account the fact that the number of academic hours allotted for English classes is far from being enough, one has to find a reasonable compromise that will allow learners to develop pronunciation devoid of mother-tongue features that affect the clarity of a message. Moreover, students have to tune their ear to the natural flow of English speech since speaking English in class and listening to fellow students is one thing and understanding foreign lecturers and speakers at international conferences or events is another matter altogether. Therefore while teaching English pronunciation to budding specialists in mechanics and mathematics, teachers have to focus on lectures, talks and interviews of native speakers of English and avoid those whose mother-tongue features may be intrusive.

Concluding, the syllabus of the English course for students of mechanics and mathematics at Moscow State University has changed significantly since the late twentieth century for a number of reasons. First, professional communication in the mathematical community has become international, and ample opportunity to exchange ideas with colleagues worldwide has opened up: today researchers take part in conferences held by international mathematical societies and foreign universities, in international research teams working on a project, they also publish the findings of their investigations in international scientific journals, and keep up contacts with colleagues abroad. Due to these circumstances language for specific purposes is no longer the language of

formulas and published professional texts only — today the focus should be on the mathematical discourse, and this fundamental shift entails a profound change in the English language syllabus. Taking into account numerous forms of professional communication in mathematical circles, English teachers have to alter their strategies and adapt them to the needs of current students, whereas previously it was thought that it was enough to teach students how to read and translate special literature only, for no other skills were relevant. Therefore, in the English Department of the Faculty of Mechanics and Mathematics, undergraduate students, master's students and postgraduate students acquire the knowledge and skills necessary for effective professional and everyday communication and comprehension in the mathematical community.

References

1. *Karpova L.S.* A Practical Guide to Giving a Talk on Mathematics. — М.: МАКС Пресс, 2019. — 76 с.
2. *Vygonskaya L.N., Karpova L.S.* ИКТ в высшей школе: традиции и инновации // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: сборник статей. — Т. 7. — М.: Университетская книга, 2016. — С. 136–140.
3. *Karpova L. S.* О преподавании английского языка на неязыковых факультетах // Anglistika XXI века: Материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 января 2018 г. — Университетские Образовательные Округа Санкт-Петербурга: 2019. — С. 263–266.
4. *Korneeva M. S., Perekal'skaya T. S.* Учебное пособие по развитию навыков аннотирования и реферирования для студентов старших курсов. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 72 с.
5. *Savchenko A. A.* Writing Maths. Quotations. — [Electronic resource] — URL: <https://www.eng.math.msu.su>. — Москва, 2017. — 41 p.

Список литературы

1. *Karpova L.S.* A Practical Guide to Giving a Talk on Mathematics. — М.: МАКС Пресс, 2019.— 76 с.
2. *Выгонская Л.Н., Карпова Л.С.* ИКТ в высшей школе: традиции и инновации // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: сборник статей. — Т. 7. — М.: Университетская книга, 2016. — С. 136–140.

3. *Карпова Л.С.* О преподавании английского языка на неязыковых факультетах // Англистика XXI века: Материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 января 2018 г. Университетские образовательные округа Санкт-Петербурга, 2019. — С. 263–266.
4. *Корнеева М.С., Перекальская Т.С.* Учебное пособие по развитию навыков аннотирования и реферирования для студентов старших курсов. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 72 с.
5. *Савченко А.А.* Writing Maths. Quotations. — www.eng.math.msu.su. — М., 2017. — 41 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Е.И. Старикова

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования сопоставительного метода в применении к изучению и преподаванию английского языка для специальных целей для студентов негуманитарных факультетов, в частности для студентов-математиков. Его преимущества в сочетании с традиционными подходами могут способствовать более эффективному усвоению профессиональной, а также в целом общенаучной лексики английского языка.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, этимология, словообразование, английский язык для специальных целей, английский язык для академических целей, заимствования, синхрония, диахрония.

Наверное, нет преподавателя, который бы не стремился постоянно совершенствовать учебный процесс, добиваться его максимальной эффективности, не останавливаться на достигнутом, сомневаться, искать, разрабатывать и пробовать новые подходы и приемы. Думается, это особенно актуально в нашем случае, когда мы имеем дело с гуманитарной сферой, с важной, на первый взгляд, простой, понятной, осязаемой, хорошо знакомой и в то же время сложной, запутанной, порой малопредсказуемой, не поддающейся логическому, рациональному пониманию и осмыслению материей — языком.

Изучение языков зачастую оказывается достаточно сложным делом и для самих гуманитариев — «лириков», что уж говорить о «физиках», имеющих дело с иным научным пространством и материей и привыкших смотреть на мир под соответствующим углом зрения. При этом многие темы — более-менее структурированные, логически относительно непротиворечивые, которые возможно представить в виде таблиц или иных графических, формульных представлений, — могут и не вызывать у негуманитариев особых трудностей. Так, в целом, хотя и не без труда, вполне могут поддаваться логическому, формульному осмыслению различные

аспекты синтаксиса, морфологии: можно вспомнить привычные таблицы склонений, спряжений, времен, наклонений и т.д. При выходе за эти пределы и вступлении в другие, кажущиеся менее четко структурированными, размытыми области языка — прежде всего, это лексикология — спасительная нить Ариадны то и дело теряется, возникает чувство потерянности, безысходности, невозможности найти выход из запутанного лабиринта, осознать и как-то справиться с огромным и, на первый взгляд, бесформенным миром лексики. Здесь часто приходится слышать — на грани отчаяния: у меня нет способности к языкам; сколько лет учу, а ничего не получается; это какие-то джунгли и т.д. и т.п. И это об английском языке, отнюдь не самом трудном среди языков мира, современном *lingua franca*, наполненном заимствованиями-интернационализмами!

Почему так происходит? Безусловно, по множеству причин, объективных и субъективных. Извечные трудности представляют так называемые фразовые глаголы, неправильные глаголы как характерная особенность германских языков, иные группы, образования, возникновение и функционирование которых тесно связаны с особенностями исторического развития английского языка, вообще германских языков, идиоматика — специфика любого языка и т.д. С другой стороны, подобные трудности, явления диахронического характера, часто называемые в школьных грамматиках исключениями, особенностями, можно обнаружить практически в любом языке (например, следы праславянских палатализаций заднеязычных согласных в русском языке или тот факт, что неправильные глаголы присутствуют и в романских языках), и это отнюдь не является непреодолимым препятствием в изучении и практическом освоении того или иного языка.

Если обратиться к корпусу литературной или общенаучной лексики английского языка, картина также получится простой и сложной одновременно. Сложной — из-за объема, безбрежности, бесконечности изучаемого материала, который к тому же для многих не имеет четкой структуры, упорядоченности, видимых границ, или если это ощущается, то достаточно слабо в сравнении с теми же грамматическими таблицами. Чувство неуверенности может возникать и из-за не слишком плодотворного школьного опыта, в частности традиционного подхода заучивания новых слов списком без достаточной опоры на контекст и/или недостаточно активного применения выученного материала на практике и т.д. Объективных и субъективных факторов может быть довольно

много, и это предмет отдельного обсуждения. В этой связи хотелось бы затронуть один из аспектов, который, судя по всему, не получает должного внимания при работе с лексикой (о чем свидетельствуют характерные ошибки первокурсников, а иногда и студентов других курсов, но это, видимо, уже другая история) и который, с другой стороны, помогает увидеть и понять определенную упорядоченность и структурированность, так сказать, очевидность лексического материала, выделить закономерности и взаимосвязи, а это, в свою очередь, существенно упрощает и делает учебный процесс более интересным.

Об этом задумываешься всякий раз, когда приходится исправлять ошибки в произношении и, соответственно, переводе слов вроде *uniform*, *unanimity*, *unanimous*, когда начало слова воспринимается как приставка с отрицательным значением *un-* по аналогии с многочисленными стандартными случаями *equal — unequal*, *real — unreal*, *comfortable — uncomfortable* и др. Когда в процессе объяснения обнаруживается, что данные слова имеют общий корень латинского происхождения *un(i)-* и что это к тому же объединяет их с такими хорошо известными всем словами, как *unity*, *union* (в том числе и как математический термин) и даже *university*, не говоря уже о *United States*, аудитория (речь идет о наиболее распространенных в наших группах уровнях *Pre-Intermediate*, *Intermediate*) чаще всего приходит в некоторое замешательство и замолкает на некоторое время, осознавая неожиданное новое «открытие Америки», ибо эти слова прежде воспринимались и заучивались как отдельные, никак не связанные между собой единицы. Схожая реакция, как правило, возникает и, например, в случаях, когда задается невинный вопрос: есть ли что-то общее у слов *dictionary*, *dictation*, *contradiction*, или у *locomotion*, *emotion*, *promotion* (если брать не все слова сразу, а сначала произвольно два-три), или у слов *evolution* и *revolution*. В последнем случае вопрос также может возникнуть в связи с контекстом вроде *the revolution of the Earth around the Sun* и затруднением в переводе *revolution*, когда стереотипный перевод слова в привычном контексте социальных потрясений вдруг не срабатывает.

Подобные грустные ошибки показывают, что не задействуется в полной мере работа с однокоренными словами, словообразовательными цепочками, этимологией и главное — такая в данном случае сильная сторона, преимущество английского словаря, как насыщенность заимствованиями, множество интернационализмов. Как известно, английский язык в силу исторических обстоятельств

имеет большое количество заимствований, прежде всего из романских языков — французского и латыни, в отличие от других германских языков с их более автономной, аутентичной лексикой [1, с. 44–77]. Так, считается, что в среднем процент латинизмов составляет 60–70%, в корпусе научной лексики он может достигать до 90%. Важную роль в формировании научной терминологии играют и слова древнегреческого происхождения. При этом часто бывает, что древнегреческие слова или корни пришли в английский через латынь, — в этой связи можно вспомнить хотя бы историю привычного всем слова *school* [2, с. 318–319], хотя в данном случае эти исторические детали, равно как и периодизация волн латинских заимствований, не так существенны, важно понимание сложившейся ситуации в целом и как она может помочь в изучении и расширении словарного запаса.

Схожую картину — интернационализацию научной лексики — можно наблюдать и в русском языке, начиная еще с петровских времен, когда на фоне активных изменений в общественной жизни страны и появления новых реалий во многих сферах деятельности в русский язык активно проникает новая, иноязычная лексика как отражение социальных и культурных перемен. Источниками заимствований служили различные европейские языки, здесь картина была достаточно пестрой, но научная терминология во многом формировалась на основе латыни и древнегреческого — языков науки и культуры Античности и Средневековья. В данном случае также представляется не столь важным, как именно, какими путями — напрямую или опосредованно — осуществлялся этот процесс, поскольку речь идет о современном состоянии языка.

Таким образом, при понимании и осознании общности основы языка науки процесс овладения лексикой может идти гораздо эффективнее и быстрее. Как это можно сделать? На основе широкого сопоставительного анализа научной лексики английского и русского языков, латыни и древнегреческого. При необходимости и для расширения языкового, исторического и культурного фона, что весьма важно для негуманитариев, можно и иногда нужно привлекать и диахронические данные сравнительных исследований, но в целом предмет интереса находится, конечно, в области синхронии. Остается сожалеть, что «латынь из моды вышла ныне», а насколько бы предварительное знание или хотя бы знакомство с основами латыни — грамматики и лексики — в средней школе упрощало и делало более эффективной работу с английским языком на всех его уровнях в высшей школе!

Данный подход, безусловно, не есть что-то новое, он традиционен и является одним из основных в работе с лексикой, в особенности с научной, терминологической лексикой английского языка. И он может быть еще эффективнее, если использовать его в сочетании со словообразовательным, этимологическим анализом, в ходе которого могут возникать различного рода ассоциативные связи, блоки и цепочки, где можно задействовать и другие области лексики, а также и другие языковые разделы (фонетику, орфографию и др.). Таким образом, если связать в единый комплекс то, что воспринималось или изучалось прежде как нечто изолированное, процесс обучения становится более интересным, активным, увлекательным и, соответственно, эффективным.

Целесообразно при этом концентрировать внимание, как и всегда, на наиболее частотных, характерных, типичных случаях с максимальной опорой на контекст. Степень детализации, объема материала, естественно, зависит от уровня группы. Так, например, уже на первых занятиях с первокурсниками, когда начинается работа с текстами наших пособий, встречаются такие характерные слова, как *mathematics, arithmetic, astronomy, chemistry, physics, mechanics*, греческие по происхождению. При сопоставлении с русским языком можно увидеть соответствия значений и различия в написании и произношении английского и русского вариантов и выявить особенности реализации греческих слов в двух языках. Здесь показательны пары *ch* — х, *ph* — ф, *th* — т/ф, можно добавить еще примеры для закрепления правила соответствия: *chaos* — хаос, *character* — характер, *photo* — фото и др. В случае *th* — т/ф различную реализацию греческой буквы *θ* также можно расширить примерами: *anthropology* — антропология, *theology* — теология, *orthogonal* — ортогональный, а также из других областей лексики, например личные имена: *Thomas* — Фома, *Thaddeus* — Фаддей, *Timothy* — Тимофей, *Theodore* — Федор, где различия в звучании и написании имен связаны с историческими путями появления этих имен в английском (из арамейского или греческого через латинский) и в русском (через греческий или из греческого). В этой связи интересно сделать небольшой экскурс в историю русской орфографии и вспомнить дореволюционное написание, где существовала буква *θ*, пришедшая из греческого языка, произносившаяся как [ф] и писавшаяся, как правило, в собственных именах, в том числе связанных с мифологией, христианством, в словах церковного обихода, а также в научной лексике. Ее след в виде буквы *φ* наблюдается и в современном русском языке: Афанасий,

Афина, Афон, Вифлеем, акафист, фимиам, мифология, кафедра, эфир, орфография, рифма, логарифм. Однако заимствование происходило различными путями (например, из греческого, но через латынь) в разное время и, в основном, в научной лексике наблюдаются соответствия *th* — *t* (сравните: орфография, но ортопедический, ортогональный).

Для полноты картины список соответствий можно продолжить и рассмотреть уже в более широком аспекте тему фонетических и орфографических особенностей и соответствий слов латинского и греческого происхождения, часто встречаемых в общеупотребительной и научной лексике. Наиболее характерные и показательные сочетания: *eu* / ев, *ps* / пс (реализация буквы *ψ*) *pn* / пн, например *pneumo-* / пневмо-, *pseudo-* / псевдо-, *Europe* / Европа, *Euclid* / Евклид, *eureka* / эврика. К этому можно добавить интересную с точки зрения истории и путей заимствования пару *b* — *v*: *symbol* — символ, *Basil* — Василий, *Babylon* — Вавилон, *Lebanon* — Ливан и др. — и сопроводить это кратким комментарием (о «латинах и греках», временах распада Римской империи, влиянии латинского языка в западноевропейском мире и греческого в восточно-европейском, средиземноморском и славянских регионах, в особенности об исторических и культурных связях Руси и Византии). Опыт показывает, что тема орфографических и фонетических соответствий сразу становится более живой и привлекательной, вызывает вопросы, дискуссии, ассоциации (особенно, например, когда в аудитории присутствуют студенты с соответствующими именами), аудитория начинает активно добавлять свои примеры, вспоминать другие соответствия, готовит выступления и презентации, и тема, таким образом, детально, ненавязчиво и эффективно прорабатывается в сочетании с другими — лексическими и грамматическими — темами.

Еще пример — сопоставление лексики в комплексе со словообразовательным анализом. Так, хорошо известный студентам глагол *describe* отнюдь не всегда воспринимается как однокоренной с *inscribe* и другими часто встречающимися однокоренными словами, поэтому, безусловно, важно хорошо знать этот латинский по происхождению корень *scrib-* (*scribo* — «писать», «чертить»), для чего можно расширить группу и обсудить *subscribe*, *prescribe*, *ascribe*, *circumscribe*, *transcribe* и, конечно, *postscriptum* (*P.S.*) [3, с. 420]. При этом параллельно повторяются образование существительных и соответствующие суффиксы на примере цепочек *describe* — *description*, *inscribe* — *inscription* и т.д. Далее удобно рассмотреть

и повторить значение латинских же приставок и сопоставить имеющиеся примеры с другими словами, имеющими эти приставки, например *submarine*, *transmit*, *predict*, *circumference*, *postpone* и т.д.

В зависимости от уровня группы и конкретной необходимости можно подробнее остановиться на том или ином случае и расширить сопоставление. Так, достаточно трудно воспринимаемые как отдельные слова *circumference* и *circumstances* легче выучить, если связать их по смыслу с *circle*, *circus*, *circa* (что часто можно встретить при обсуждении хронологии, датировке, например, в комментариях к картинам в музеях) и далее сопоставить с русскими «цирк», «циркуль», «циркуляция» и др. [3, с. 81–82]. То же самое относится и к глагольному корню *fer-* (лат. *fero* — «нести»), присутствующему во многих словах, пришедших из французского или латыни: сопоставим *circumference* и *prefer* — *preference*, *refer* — *reference*, *confer* — *conference* и др. [3, с. 91, 148, 369, 395]. При этом становятся очевидными параллели с русским языком: преферанс, референция (пришли из французского языка), конференция (пришло из польского языка), преференция (из английского языка). Если же подробнее остановиться на значении *circumstances* — «обстоятельства», «обстановка» (лат. *circumstantia* — «стояние вокруг», «окружение», «обстоятельства», от *circumsto* — «стоять вокруг», «окружать»), можно проследить глагольный корень «стоять», его связь и родство с англ. *stand*, рус. *стоять* и их общее индоевропейское происхождение (**stā-*) [2, с. 352–353; 3, р. 465–466]. Таким образом, трудные на первый взгляд слова становятся понятными, даже близкими в широком историческом контексте и усваиваются достаточно эффективно.

И наконец, в зависимости от ситуации в данный блок можно включить повторение или освоение употребительных латинских сокращений, начав с уже обсуждавшегося ранее *postscriptum* (*P.S.*): *etc.*, *i.e.*, *e.g.*, *vs.*, *viz* и др. Таким образом, в комплексе удастся охватить и детально проработать различные языковые аспекты — лексический, этимологический, словообразовательный, сопоставить уровни синхронии и диахронии.

Подобные комплексы, опирающиеся на изучаемые тексты, могут быть различными по объему в зависимости от материала, стоящих задач. Они задействуют разнообразные грамматические, лексические аспекты, выстраивают синонимические, антонимические, ассоциативные ряды и т.д. При этом в основе такого блока лежит идея частотности той или иной единицы, элемента слова —

корня, приставки, суффикса, явления, например различий по местоположению ударения.

Так, например, интересно и полезно, помимо сопоставления значений в английском и русском языках, рассмотреть и повторить в комплексе отдельные аспекты словообразования, частотные префиксы и суффиксы на примере таких характерных производных глаголов и существительных (связанных по происхождению с латинскими глаголами *ponere*, *pausare*, французским глаголом *poser* и имеющих интересную и сложную историю взаимоотношений), как *compose*, *expose*, *impose*, *oppose*, *propose*, *transpose*, *composition*, *exposition*, *imposition*, *opposition*, *proposition*, *transposition* [3, с. 364–366]. При сопоставлении значений слов *component*, *exponent*, *opponent*, *proponent* также целесообразно отметить разницу в ударениях в соответствующих словах в английском и русском языках. А для интеллектуальной разрядки и проверки ассоциативных связей можно, например, вспомнить слово «импонировать» в русском языке, его значение и этимологию.

Интересны и многочисленные заимствования, связанные с лат. *fluo*, *fluere* — «течь», «литься», где можно увидеть и понять общность *fluid*, *fluency*, *influence*, их родство с *flu*, а также с *fluxions* и *fluents*, что обычно не ассоциируется в сознании при знакомстве с понятиями, разработанными Ньютоном [3, с. 154–155]. После проработки этого блока (где полезно привлечь синонимию, антонимию, устойчивые сочетания) происхождение терминов и ход мыслей великого математика и философа становятся более понятными.

Как показывает опыт, подобного вида комплексы удобны при работе, это своеобразные блоки, которые можно увеличивать или уменьшать в размерах в соответствии с задачами или имеющимся материалом, где можно варьировать содержание, структуру, широко использовать различные уровни языка, выстраивать синонимические, антонимические, ассоциативные ряды. Это помогает активно задействовать в работе самих студентов и сделать усвоение материала более содержательным, объемным и эффективным, особенно когда это сопровождается соответствующими упражнениями и самостоятельной работой. Думается, такие комплексы можно сочетать друг с другом, создавать своеобразные модули и как самостоятельные, и как дополнительные темы и задания с учетом текстов и разделов изучаемых пособий.

Список литературы

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка. — М.: Дрофа, 2004. — 288 с.
2. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. — М.: Диалог, 1999. — 416 с.
3. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. Wordsworth Editions Ltd, 1993. — 633 p.

THE COMPARATIVE METHOD IN LEARNING AND TEACHING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES

E.I. Starikova

Abstract. The paper considers the advantages of the comparative method in learning and teaching English for specific purposes for students of non-humanities fields, particularly mathematicians. Its advantages in combination with the traditional approaches may be helpful and effective in mastering professional and academic vocabulary of the English language.

Keywords: comparative analysis, etymology, word formation, English for specific purposes, English for academic purposes, borrowings, synchrony, diachrony.

References

1. Antrushina G.B., Afanasyeva O.V., Morozova N.N. Leksikologiya angliyskogo yazyka. [English lexicology]. M.: Drofa, 2004. — 288 p.
2. Makovskiy M.M.. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo angliyskogo yazyka. [Historical and etymological dictionary of modern English]. — M.: Dialog, 1999. — 416 p.
3. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. Wordsworth Editions Ltd, 1993. — 633 p.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК МОДЕЛЬ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РЕФЕРИРОВАНИЮ

В.М. Шевцова

Аннотация. Реферирование научных текстов в рамках курса LSP (Language for Specific Purposes) представляет несомненную сложность, поскольку, кроме анализа собственно языковых средств, подразумевает исследование ментальных процессов и построение сложных логико-смысловых структур оригинального текста. Для обучения студентов реферированию мы предлагаем использовать анализ глобальной структуры дискурса, основанный на модели Т.А. ван Дейка. В данной статье наглядно продемонстрировано, что благодаря понятному и несложному алгоритму операций над пропозициями аутентичного дискурса можно построить его глобальную структуру и облегчить студентам выполнение задачи по краткому, точному и обобщенному изложению исходного материала.

Ключевые слова: реферирование, дискурс-анализ, глобальная структура, топик, макропропозиция, макроправила.

Обучение реферированию научных текстов по специальности в рамках курса иностранного языка LSP (Language for Specific Purposes) на неязыковых факультетах в настоящее время носит преимущественно дидактический характер. Перед студентами ставится задача овладеть некоторым необходимым набором фраз на иностранном языке, рекомендованным к использованию во введении, основной части и заключении реферата, а также списком слов-связок (linking words) для плавного перехода от одной части реферата к другой. Кроме того, как правило, предлагается сократить языковой материал, «сжать» реферируемый текст. Несмотря на кажущуюся простоту постулатов успешного реферирования, у студента, приступающего к реферированию, неизменно возникает вопрос по поводу того, каков же должен быть конкретный алгоритм действий для извлечения основных положений реферируемого текста и каким образом изложить затем эти положения в своей работе. Это закономерный вопрос, поскольку реферирование — сложный акт речемыслительной деятельности, многоступенчатый процесс кодирования и декодирования информации,

в процессе которого строятся структуры логико-смыслового содержания исходного текста и создается вторичный текст.

Как работает этот механизм отбора информации в голове каждого конкретного индивида — актуальный вопрос, над которым активно работает современная когнитивная лингвистика, изучающая мыслительные операции, сопровождающие восприятие, обработку, а также продуцирование языковых выражений. Не случайно основным объектом исследования когнитивной лингвистики стал дискурс. Дискурс как «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 37], в отличие от его знаковой репрезентации текста, «объективированного в виде письменного документа» [2, с. 18], рассматривается учеными как динамическое событие, с помощью которого осуществляются процессы восприятия речевого произведения и его порождения; и именно «дискурсивные характеристики следуют считать структурными ограничениями, связанными с представлением результатов когниции в рамках речевой деятельности» [6, с. 238].

Если обратиться к этимологии слова «дискурс», мы обнаружим, что оно происходит от латинского «discursus» и обозначает «рассуждение, довод». Первоначально этот термин обозначал интеллектуальное рассуждение и в этом значении встречается у Фомы Аквинского; средневековые философы обозначали этим словом действие рассудка. Такое же представление о дискурсе наблюдается в работах Лейбница и Канта. Они считали, что сама мысль дискурсивна. Дискурсивное мышление противопоставляется образному интуитивному мышлению: «...что касается ясности, то читатель имеет право требовать прежде всего дискурсивной (логической) ясности посредством понятий, а затем также интуитивной (эстетической) ясности посредством созерцания...» [5, с. 11]. В формально-коммуникативном смысле дискурс представлялся как монологическое высказывание, имеющее такие способы выражения, как научный трактат или структурированная научная речь. Итак, в классической парадигме под дискурсом понимается практика мышления, которая характеризуется последовательностью, логичностью и развертыванием в понятиях и суждениях. Как видим, реферирование как вид речевой деятельности восходит к классическому представлению о дискурсе. Очевидно, что в процессе реферирования студенту недостаточно усвоить первичный текст, научиться выделять главное содержание; необходимо также его сформулировать и представить в логической последовательности, создав таким образом вторичный текст, служащий для хра-

нения, переработки и распространения научной информации. Представляется, что именно дискурс-анализ может помочь решить эту задачу, поскольку, наряду с другими компонентами, анализ дискурса включает в себя исследование его структуры, что подразумевает раскрытие способа организации текста, соположения его элементов, изучение логических переходов от одной части к другой и выделение наиболее существенных мест. Такой анализ называется построением логико-смысловой, глобальной структуры дискурса, и в первую очередь он связан с вопросами членимости дискурса на более мелкие единицы и установления закономерностей в их сочетаемости.

Лингвисты следуют положению о том, что предложения объединяются в единицы более высокого уровня на основе единства темы, которая задается единством целей и подцелей дискурса, организованных по принципу иерархичности для достижения глобальной цели. Чейф, к примеру, в работе «Память и вербализация прошлого опыта» [7] показывает, что при членении потока информации человек выделяет в своем сознании не сразу всю информацию, подлежащую вербализации, а некоторую тему. Каждый эпизод предполагает последовательность различных событий, не всегда связанных друг с другом, но актуализация этих событий всегда обусловлена одним, основным событием — темой эпизода. Таким образом, для описания общего содержания дискурса исследователями используются понятия: тема, общий смысл, основное содержание, топик. Дж. Браун и Л. Юл так описывают понятие «топик»: «The notion of “topic” is clearly an intuitively satisfactory way of describing the unifying principle which makes one stretch of discourse “about” something and the next stretch “about” something else, for it is appealed to very frequently in the discourse analysis literature» [8, с. 70]. Топики соответствуют основным эпизодам и фактам, описанным в дискурсе, и поэтому по ним легко вспомнить, чему вообще посвящен текст, в то время как синтаксические, лексические особенности дискурса, риторические приемы и стилистические обороты (т.е. поверхностная структура дискурса) достаточно быстро забываются.

В настоящей работе мы следуем широко известной модели анализа структуры дискурса ван Дейка, в работах которого также разрабатывается представление о дискурсе как об иерархически организованном целом. Структура дискурса определяется системой дискурсивных целей. По Т. ван Дейку, в процессе понимания текста происходит свертывание пропозиций в пропозиции более вы-

сокого уровня — макропропозицию, которая служит кратким выражением содержания текста.

Макропропозиция выводится на основе следующих макроправил: опущение, обобщение, построение; при этом, поскольку мы формируем когнитивную модель, учитываются пресуппозиции участников коммуникации, общие знания о мире, представления о контексте ситуации. Первое правило характеризует процесс сокращения, компрессии информации, когда опускаются пропозиции, «которые не служат условиям интерпретации» [3, с. 42], т.е. отсеивается избыточная, второстепенная и несущественная информация, такая как повторы, примеры, аргументация, в некоторых случаях — даты и цифры. Обобщение же предполагает замену последовательности пропозиций пропозицией, «выводимой из каждой пропозиции данной последовательности» [3, с. 42]. Оно, являясь одним из важнейших процессов логического мышления, характеризует переход от анализа к синтезу. Для обобщения нужно выделить в тексте ряд фактов или признаков и установить между ними внутреннюю связь, дать им единое определение. При этом основным методом обобщения является субституция частного общим. Последнее правило, построение, устанавливает замену последовательности пропозиций пропозицией, «выведенной из всего репертуара пропозиций, входящих в эту последовательность» [3, с. 43]. Этот процесс сведения явлений к их сущности, в ходе которого из одного или нескольких суждений, называемых посылками, выводится новое суждение, логически вытекающее из посылок, требует от референта отличного знания предмета, о котором идет речь, чтобы сделать правильный вывод относительно представленного материала.

В качестве примера исследования логической структуры был взят небольшой учебный текст на английском языке для студентов 1-го курса механико-математического факультета [4, с. 105–106].

Gravitation — the Force that binds the Universe

Everything on the Earth tends to fall or to seek a lower position unless it is held up by something beneath it. Even balloons and corks are not the exceptions they seem to be. The air or water is heavier than the balloon or the cork. Thus it tends to push the lighter object upward and flow in to use the vacated space, so reaching a lower level. The force that causes bodies to fall to earth is called gravity. Gravity's pull is always toward the center of the Earth. A pebble dropped from a person's hand in the United States falls to

the ground in just the way it would fall in Australia, on the opposite side of the Earth. In both cases, the pebble falls toward the Earth's center.

For thousands of years men have wondered about the working of gravity. Early Greek philosophers thought of gravity as a force within an object that propelled it downward. 'Downward' they thought of as a single direction in space, for they had little idea that the Earth was round and that 'down' meant toward its center. The great philosopher Aristotle thought the heavier an object was, the more of this force it possessed; and so, he said, a heavy object must fall more rapidly than a light object. Its rate of speed, he thought, must be proportional to its weight.

В предложенном тексте два абзаца, на основе смыслового анализа, описанного выше, выведем пропозиции каждого абзаца. При этом мы исходим из положения, что у студентов приблизительно одинаковые фоновые знания и общая концептосфера, им хорошо известны ключевые слова и фразы, поэтому не возникает сложности в понимании текста. В первом абзаце выделяются два смысловых блока (S1 — S4 и S5 — S9); используя вышеописанные макроправила, можно вывести соответствующие им пропозиции.

Первый смысловой блок

S1. Everything on the Earth tends to fall or to seek a lower position unless it is held up by something beneath it.

S2. Even balloons and corks are not the exceptions they seem to be.

S3. The air or water is heavier than the balloon or the cork.

S4. Thus it tends to push the lighter object upward and flow in to use the vacated space, so reaching a lower level.

В данном отрывке основная мысль заключена в первом предложении и пропозиция отрывка формируется из него. Остальные предложения служат для доказательства данного тезиса. Усиленная частица *even* в начале S2 является маркером интенсификации S1. А S3 и S4 служат пояснительными пропозициями обоснования для S2. Поэтому в данном случае мы можем использовать макроправило *опущение* для $[(S3 \rightarrow S4) \leftarrow S2]$, поскольку они служат для обоснования S1 и нерелевантны для дальнейшего развития темы.

Итак, $[(S3 \rightarrow S4) \leftarrow S2] \rightarrow S1$.

$(S1 - S4) - T1 - P1 = \text{Everything on the Earth tends to fall to a lower position.}$

Второй смысловой блок

S5. The force that causes bodies to fall to the Earth is called gravity.

S6. Gravity's pull is always toward the center of the Earth.

S7. A pebble dropped from a person's hand in the United States falls to the ground in just the way it would fall in Australia, on the opposite side of the Earth.

S8. In both cases, the pebble falls toward the Earth's center.

Логическую структуру смыслового блока можно представить следующим образом:

$S7 \rightarrow S8 \rightarrow S5 \rightarrow S6.$

$(S5 - S8) - T2 - P2 = \textit{Gravity is the force which makes bodies fall toward the center of the Earth.}$

В данном случае мы используем правило *опущение* для $S7 \rightarrow S8$, поскольку эти предложения являются доказательством вышеизложенных положений, и далее применяем *обобщение* для $S5 \rightarrow S6$.

Третий смысловой блок

S9. For thousands of years men have wondered about the working of gravity.

S10. Early Greek philosophers thought of gravity as a force within an object that propelled it downward.

S11. 'Downward' they thought of as a single direction in space, for they had little idea that the Earth was round and that 'down' meant toward its center.

S12. The great philosopher Aristotle thought the heavier an object was, the more of this force it possessed; and so, he said, a heavy object must fall more rapidly than a light object.

S13. Its rate of speed, he thought, must be proportional to its weight.

Третий смысловой блок представлен вторым абзацем текста, в нем можно выделить два смысловых подблока. Мы видим линейную логическую последовательность пропозиций и постепенное развертывание темы. Элементы будут представлены следующим образом:

$(S9 \rightarrow S10 \leftarrow (S11)) \leftarrow (S12 \rightarrow S13).$

S9, S10, S11 составляют первый смысловый подблок, его пропозиция выводится на основе *опущения* и *обобщения*. S11 не служит условиям интерпретации и опускается. Обобщив $S9 \rightarrow S10$, мы получаем представленную ниже пропозицию:

$(S9 - S11) - T3(1) - P3(1) = \text{Ancient philosophers thought of gravity as a force within an object.}$

Два последующих предложения S12 и S13 представляют второй смысловой подблок данного отрывка; обобщив их, получаем P3(2):

$(S12 - S13) - T3(2) - P3(2) = \text{Aristotle thought that gravity depended on the weight of falling bodies.}$

Нам известно, что Аристотель также относится к категории древних философов, поэтому, используя правило *построение* на основе P3(1) и P3(2), получаем пропозицию всего отрывка.

$(S9 - S13) - T3 - MP3 = \text{Ancient philosophers thought that gravity depended on the weight of falling bodies.}$

Теперь можно проследить движение темы и вывести макропропозицию текста.

Тема: *Gravitation — the Force that binds the Universe.*

Движение темы. $T1 - P1 = \text{Everything on the Earth tends to fall to a lower position.}$ $T2 - P2 = \text{Gravity is a force which makes bodies fall toward the center of the Earth.}$ $T3 - P3 = \text{Ancient philosophers thought that gravity depended on the weight of falling bodies.}$

Макропропозиция.

$MP = \text{Gravity is the force which affects each body, tends to the center of the Earth and depends on the weight of the body.}$

Эта макропропозиция была выведена из всего репертуара пропозиций, она отражает глубинную структуру дискурса, его основное содержание и служит концентрированным информационным ядром всего текста, которое необходимо донести до адресата. Стоит отметить, что данная модель хорошо воспринимается студентами и легко усваивается благодаря своей простоте и наглядности.

Итак, реферирование предполагает логико-смысловой анализ языкового материала путем извлечения основного содержания из каждого его фрагмента и последующего определения его глобального содержания, т.е. глобальной структуры. При этом автор реферата должен ориентироваться на модель адресата и стремиться к тому, чтобы комплекс представлений и научных знаний, с которыми адресат ознакомится в результате чтения или слушания реферата, соответствовал комплексу знаний и представлений, который подразумевается в первичном тексте. Поэтому современный дискурс-анализ, учитывающий разнообразные социальные, ког-

нитивные и собственно лингвистические параметры, может оказаться незаменимым помощником при выполнении задания по реферированию. Данный инструмент позволит проанализировать комплекс представлений и научных знаний исходного текста и точно и кратко отразить их в реферате, сохранив научную ценность оригинального текста.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М.: КомКнига, 2006. — 144 с.
3. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 320 с.
4. *Егорова Е.Н.* English for Students of Mathematics and Mechanics (Part I): учеб. пособие под ред. Л.Н. Выгонской. — М., 1998. — 135 с.
5. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
6. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
7. *Чейф У.Л.* Память и вербализация прошлого опыта. // НЗЛ. Вып. XII. Прикладная лингвистика. — М.: Радуга, 1983. — С. 35–73.
8. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. — Cambridge: Univ. Press, 1983. 288 p.

DISCOURSE ANALYSIS AS A MODEL FOR TEACHING ABSTRACT WRITING

V.M. Shevtsova

Abstract. Writing abstracts of scientific texts within the framework of Language for Specific Purposes (LSP) is undoubtedly difficult, since in addition to analyzing the actual linguistic means, it involves studying mental processes and constructing complex logical and semantic structures of the original text. To help students learn how to write an

abstract, we suggest using a model based on T.A. van Dijk's discursive practices for analyzing the overall structure of discourse. This article demonstrates that, thanks to a clear and simple algorithm for working with propositions in an authentic text, students can construct its global structure and more easily complete the task of providing a concise, accurate, and generalized presentation of source material in their abstract.

Keywords: abstract writing, discourse analysis, global structure, topic, macro-proposition, macro-rules.

References

1. *Arutyunova N.D.* Diskurs [Discourse]. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar. — M., 1990. — P. 136–137.
2. *Galperin I.R.* Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya. [Text as an Object of Linguistic Analysis]. — M., 2006. — 144 p.
3. *Dijk T.A. van.* Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. [Language. Cognition. Communication]. — M., 2015. — 320 p.
4. *Egorova E.N.* English for Students of Mathematics and Mechanics (Part I). Ucheb. Posobie pod redaktsiei L.N. Vygonskoi. — M., 1998. — 135 p.
5. *Kant I.* Kritika chistogo razuma. [Criticism of Pure Reason]. — M., 1994. — 591 p.
6. *Kubryakova E.S.* Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge. On the Way of Language Knowledge Acquisition: Parts of Speech from the Cognitive Point of View. A role of Language in the World Cognition]. — M., 2004. — 560 p.
7. *Chafe W.L.* Pamyat' i verbalizatsiya proshlogo opyta. [The Recall and Verbalization of Past Experience]. NZL. Vyp. XII. Prikladnaya lingvistika. — M., 1983. — P. 35–73.
8. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge: Univ. Press., 1983. — 288 p.

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Philological Studies

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНА ТОМАСА БЕРНХАРДА «БЕТОН» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

А.С. Герасимова

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема интерпретации и передачи стилистических приемов исходного текста при переводе на другой язык. Материалом исследования служит роман австрийского писателя Томаса Бернхарда «Бетон» и его перевод на английский язык, выполненный Дэвидом Маклинтоком. Анализируются примеры преобразования лексико-стилистических приемов романа с точки зрения функциональных стилей. Проводится детальный разбор художественно-стилистических особенностей адаптации текста на другой язык. Отдельно рассматриваются случаи несовпадения некоторых лексических единиц языка оригинала и их перевода на стилистическом уровне.

Ключевые слова: перевод, стилистические приемы, функциональные стили, коннотация, фразеологизм, идиома.

Главная задача перевода художественного произведения заключается не только в передаче смысла исходного текста, но и в воссоздании на другом языке эстетического воздействия, присущего оригиналу. Стилистический строй произведения имеет важное значение не только при передаче экспрессии, но и при выборе грамматических форм, синтаксических конструкций, а также нужного в определенном контексте синонима. Для придания тексту выразительности переводчик прибегает к использованию стилистических приемов. Кроме того, на процесс перевода влияют функциональные характеристики речи: экспрессивная, поэтическая и другие функции. Стремясь к творческому подходу в своей работе, точно отражая не только содержание произведения, но и его образность, специалист по переводу неизбежно проявляет свою индивидуальность. Наложение культур, эпох и личностей автора художественного текста и переводчика на другой язык не может не привести к некоторым отклонениям от текста подлинника, к тем или иным стилистическим несоответствиям между ними.

В художественном переводе важно сохранять индивидуальный стиль автора оригинала. Все языковые средства, используемые автором, взаимосвязаны и художественно оправданы, поскольку соответствуют замыслу автора. Индивидуальный стиль — это сложная, но целостная система, где элементы языкового выражения взаимосвязаны и подчинены единой структуре [5]. Одним из важных аспектов адаптации художественного произведения на другой язык является воссоздание стилистических приемов, которые формируют эстетическое воздействие. Для того чтобы передать экспрессивность исходного текста, специалист по переводу должен обладать обширным словарным запасом и, умея распознавать стилистические приемы в исходном тексте, уместно использовать соответствующие приемы на языке адаптации. Основная задача переводчика — интерпретировать оригинал, а операции, которые он производит над текстом, касаются не только его языка, но и стиля. Таким образом, для специалиста, сталкивающегося с тем или иным стилистическим приемом в тексте, существует два подхода к переводу: копирование приема оригинала или создание аналогичного приема на языке перевода (принцип стилистической компенсации). В некоторых случаях, однако, переводчик может и нивелировать выразительные особенности оригинала, обедняя его стиль.

Основным требованием при адаптации стилистических особенностей текста на другой язык является необходимость воспроизведения их функции, а не самих особенностей [4, с. 143]. В то же время стремление к эквивалентной передаче содержания может накладывать ограничения на использование средств языка перевода. Стилистические сдвиги или их отсутствие в переводе выявляют особенности функций языковых единиц оригинала. В данной статье рассматривается, как стилистические приемы художественного произведения интерпретируются и воспроизводятся на другом языке. Материалом исследования служит роман австрийского писателя-модерниста Томаса Бернхарда «Бетон» («Beton», 1982) и его перевод на английский язык, выполненный в 1984 г. Дэвидом Маклинтоком (David MacIntock). Роман «Бетон» — один из последних романов Томаса Бернхарда, в котором главный герой сознательно подвергает себя самоизоляции и пытается осмыслить свою личность, социальное окружение, размышляет над некоторыми проблемами современности.

Некоторые исследователи творчества Бернхарда указывают на стилистическое единообразие произведений австрийского писа-

теля, которое выражается в том, что фрагменты его текстов можно поменять местами без потери смысла. В своих прозаических произведениях Бернхард отказался от сюжетной прозы, описания «событий-происшествий», большая часть его произведений представляет собой монолог центральных героев, выражающий их жизненную позицию [2, с. 131]. Основные стилистические особенности большинства романов данного автора заключаются в языковом однообразии, повторах, многочисленных придаточных предложениях, периодических возвратах к одной и той же теме. Эти признаки могут говорить о том, что некоторые романы Бернхарда не писались, а как будто диктовались или декламировались и записывались без какой-либо литературной обработки.

Для переводчика, стремящегося максимально адекватно передать стилистику оригинального текста Бернхарда, крайне важно учитывать характерные отличия его прозы, сохранять при переводе авторские повторы и тавтологии, не поддаваясь соблазну заменить повторяющиеся слова их синонимами.

Бернхард считал, что в искусстве не может быть ничего окончательного и идеального, поэтому герои его произведений неизменно терпят поражение в своем стремлении добиться совершенства своих творений, иногда даже в самом начале их пути [3, с. 18]. Невозможность для главного героя романа «Бетон» приступить к главному труду своей жизни приводит к невозможности остановиться в написании «заметок», текст которых и формирует роман. Именно такими творческими муками объясняются необычайно длинные предложения почти на всем протяжении текста. Это, в свою очередь, может быть связано с идеей Бернхарда о несовершенстве человеческой природы, которая совмещает неверие в свои силы, с одной стороны, и присущий творческому человеку перфекционизм, с другой стороны. Роман начинается с предложения, которое состоит из 197 слов в оригинале по сравнению с 237 словами в английском переводе [7]. Открывающая роман первая фраза поделена Маклинтоком на три части. Это обусловлено иными синтаксическими принципами английского языка, которые, однако, позволяют переводчику сохранить все части первой фразы максимально длинными в стремлении передать стилистику Бернхарда. Анализ текста показал, что другие длинные предложения, которые можно встретить в оригинале, также делятся переводчиком в среднем на две или три части.

Название романа «Бетон», согласно некоторым интерпретациям, отсылает к тяжелому и сложному для восприятия стилю

языка этого романа. Для перевода слова «Beton», которое означает в немецком языке только «строительный материал» (= am Bau verwendete Mischung aus Zement, Wasser, Sand o. Ä., die im trockenen Zustand sehr hart und fest ist), Маклинток использует английский эквивалент «concrete». В английском языке это слово имеет несколько значений и употребляется в обыденной речи или в роли существительного (в значении, идентичном немецкому «Beton»), или в роли прилагательного (в значении «конкретный»: «existing in a material or physical form; not abstract»). Используя в названии слово «concrete», а не «beton» (= a mixture of cement with sand, etc. used in building), которое тоже имеется в английском языке, переводчик обыгрывает двойной смысл этого слова: герой романа, пытаясь написать исследование о композиторе Мендельсоне Бартольди, отвлекается на одну конкретную («concrete») историю, рассказанную Анной Хэрдтль о своем муже, который упал с балкона и разбился насмерть о бетонную поверхность.

Другим немаловажным понятием, которое встречается и неоднократно обыгрывается в романе, является «Geist» (дух). Оно употребляется как самостоятельное существительное, входит в состав сложных существительных или образует однокоренное прилагательное: «Geist» — «intellect»; «geistig» — «intellectually»; «Geistesarbeit» — «intellectual task»; «Geistesangespanntheit» — «mental concentration»; «Geistesverfolgung» — «persecution of the intellect». Переводчик чаще всего прибегает к использованию слова «intellect» в качестве эквивалента слова «Geist», однако значения и употребления этих существительных не полностью совпадают в английском и немецком языках. Согласно толковому словарю, слово «intellect» (= the ability to understand and to think in an intelligent way) соотносится с русскими аналогами «интеллект», «разум», «рассудок», «ум». Иными словами, «intellect» обозначает все, что связано с мыслительной, познавательной деятельностью, противоположной чувственной и эмоциональной жизни человека.

Следует отметить, что в немецком языке значение понятия «Geist» гораздо шире, чем определение слова «intellect» в английском языке. С одной стороны, «Geist» означает способность человека к пониманию, мышлению и разуму вообще (= denkendes Bewusstsein des Menschen, Verstandeskraft, Verstand); с другой стороны, «Geist» ассоциируется с религиозными представлениями об одной из сущностей Бога и о душе в загробной жизни (= auf Erden wandelnde Seele eines Toten; göttliches Wesen, übernatürliches Wesen). Однако зафиксированные в толковом словаре значения, соотно-

симые с русскими «ум» и «дух», не исчерпывают всех аспектов широкого понятия «Geist», которое имеет еще и философскую интерпретацию, связанную с романом «Бетон» (Рудольф часто выражает гегельянскую позицию в своих взглядах). В философии «Абсолютный дух» — это понятие, которое использовал немецкий философ-идеалист Гегель для обозначения основы всего сущего; в общих чертах это всеобъемлющее и совершенное знание. Для отражения философского смысла слова «Geist» английское «intellect» является неполным, и Маклинток иногда передает это значение английским существительным «spirit».

Литературоведы признают, что проза Бернхарда выходит за рамки реалистического произведения. Его романы характеризуются смешением стилей вследствие того, что в них присутствуют слова и словосочетания, принадлежащие к различным речевым жанрам. Давайте рассмотрим примеры перевода лексико-стилистических приемов романа «Бетон» с точки зрения функциональных стилей.

Функциональные стили речи — это система лексических и стилистических средств, используемых в той или иной сфере человеческого общения и разновидности литературного языка. Выделяют научный стиль, официально-деловой, публицистический, разговорный и художественный стили. Художественный стиль служит целям создания образности и самовыражения автора и следует не столько правилам лингвистики, сколько законам словесного искусства, используя все многообразие языковых средств и элементы всех функциональных стилей: риторические фигуры, жаргон, диалекты, бранная лексика, диалектизмы и т.д. Так, в романе «Бетон» помимо нейтральной и разговорной лексики можно встретить элементы возвышенного (книжного) стиля, слова и словосочетания, характерные для стиля деловых бумаг, официальных документов, присутствуют также некоторые черты научного стиля.

Между англоязычным переводом и немецким оригиналом имеются следующие стилистические несоответствия при переводе некоторых нейтральных лексических единиц на английский язык усиливается степень их формальности. Например, при переводе нейтрального глагола «sagen» («сказать») в предложении: «*Diese Bemerkung hatte dazu geführt, daß sie einmal... über mich gesagt hat...*» («Это мое замечание однажды привело к тому, что она... сказала...»), используется английский глагол «announce» («объявлять») (= to state officially or make known publicly): «*This remark of mine once led her to announce...*». В другом случае стилистически нейтральное

существительное «*Zustand*» («состояние») (= *augenblicklich bestehende Lage, Situation, Verhältnisse*) передается формальным сочетанием «*state of affairs*» («положение дел») (*formal*): «*Als ob in diesem Augenblick alles tot gewesen wäre. Plötzlich war mir dieser Zustand angenehm...*» («Как будто в этот миг все умерло. Непожиданно это состояние показалось мне приятным») / «*It was as though at this moment everything was dead. I suddenly found this state of affairs pleasant...*».

Старшая сестра главного героя Елизавета принадлежит к высшему обществу и является, кроме того, деловым человеком. Лексика, которая используется Бернхардом, чтобы описать эту необычную даму и ее привычки, принадлежит к возвышенному (книжному) стилю речи: «*Sie ist ein Geschäftsmensch, darauf war sie schon als ganz kleines Kind angelegt, auf die Geistesverfolgung und die mit dieser eng einhergehende Geldvermehrung*» («Она деловой человек, уже в детстве в ней проявилась склонность травить все интеллектуальное и, как следствие, приумножать материальное») / «*Even as a very small child she was that way inclined, towards the persecution of the intellect and the closely concomitant pursuit of money*». Слово «*einhergehen*» («тесно связанный») маркировано в словаре как «*gehoben*» («книжное») и употребляется в приведенном контексте в значении «gleichzeitig mit etwas auftreten, vorkommen, erscheinen; mit etwas verbunden sein». Английское соответствие этого слова в переводе Маклинтока тоже снабжено особой пометой в толковом словаре, но принадлежит не к книжной, а к формальной лексике («*concomitant*» (*formal*) = *naturally accompanying or associated*).

Лексика, употребляемая в тех контекстах, где речь идет о финансовой деятельности Елизаветы, относится к области коммерции, экономики и финансов. Следует отметить, что канцеляризмы и профессиональная терминология являются отличительными признаками официально-делового стиля речи — стиля, характерного для официальных документов и деловых бумаг. Хотя Рудольф не знает точных размеров внушительного состояния своей сестры, что он часто подчеркивает, он иногда говорит о приблизительных суммах, которыми она оперирует, как, например, в предложении «*Wenn sie heute sagt, sie habe nach dem Tod unserer Eltern ihr Vermögen verdreifachen können, so muß ich annehmen, daß sie es nicht nur einmal, sondern wahrscheinlich drei- oder viermal verdreifacht hat...*» («Когда она сейчас говорит, что после смерти наших родителей ей удалось утроить свое состояние, я готов предположить, что она утроила его не раз, а, скорее всего, три или че-

тыпе...») / «*When she now says that after the death of our parents she was able to treble her fortune I am bound to assume that she trebled it not once, but probably three or four times...*». Для немецкого глагола «*verdreifachen*» («утраивать»), употребленного в этом отрывке, переводчик выбрал довольно редкий английский эквивалент «*treble*», который в толковом словаре приводится с пометой «*UK*», т.е. данная лексическая единица специфична для британского варианта английского языка.

Научный стиль речи характеризуется специальной лексикой и терминологией, которые служат основной цели научного стиля — передаче общих понятий. На лексическом уровне научный стиль в романе «Бетон» представлен прежде всего медицинскими терминами (названия болезней, симптомов, лекарств). Рудольф — очень болезненный человек, долгое время страдающий саркоидозом легких и другими сопутствующими заболеваниями, и он часто описывает свое состояние здоровья в романе. При переводе медицинских терминов, которые употребляет главный герой, переводчик прибегает к их более общеупотребительным соответствиям: «*Atemlosigkeit*» или «*Atemnotanfall*» («одышка») — «*breathlessness*», «*Schüttelfrost*» («озноб») — «*shivering*», «*Erschöpfung*» («утомление») — «*exhaustion*».

Рудольф занимается музыковедением и делится своими исследовательскими замыслами в этой области. Но намерения Рудольфа не реализуются, о чем он сообщает, используя книжное выражение «*Vorhaben scheitern*» («планы провалились»), которое переведено на английский язык с помощью клише, соотносимого с формальной лексикой («*to fail in plan*»): «*Da ich ja jetzt in meinem Vorhaben, gleich in der Frühe mit meiner Arbeit über Mendelssohn Bartholdy anzufangen, gescheitert bin*» («Поскольку утром я потерпел неудачу в намерении начать работу о Мендельсоне, сказал я себе, теперь я могу устроиться на кухне и позавтракать») / «*I've failed in my plan to start my work on Mendelssohn Bartholdy early in the morning*».

Помимо языковых средств, свойственных официальному и научному функциональным стилям, в романе «Бетон» также присутствуют лексические единицы, имеющие эмоционально-экспрессивные коннотации (дополнительные стилистические значения), а также слова и выражения, принадлежащие к разговорному стилю. Данные языковые средства характерны для художественного стиля речи, который ориентирован прежде всего на эстетическое воздействие на читателя.

В некоторых случаях исходная эмоциональная окраска слова модифицируется в переводе в сторону усиления, иногда можно встретить обратный процесс. Например, глагол «*vernarren*» («влюбиться до безумия») (= *sich heftig verlieben*) передается в англоязычном переводе глаголом, выражающим менее сильную эмоцию — «*captivate*» («увлекать, очаровывать») (= *attract and hold the interest and attention of; charm*): «...*ich ganz in die Beobachtung dieser Leute, die auf dieser Terrasse ihren Wünschen und Ideen anhängen wie ich, nicht versunken, sondern vernarrt bin!*» («...не просто глубоко погрузившись в созерцание людей, которые отдаются своим желаниям и идеям, как и я, а блаженно дурея от этого!») / «...*not just absorbed, but utterly captivated by the sight of the others on the terrace, who would be just as taken up with their own fancies and fantasies as I was with mine!*»

Одной из важных стилистических особенностей романа Бернхарда является употребление разговорных слов и выражений, а также лексических единиц, характерных для австрийского варианта немецкого языка. Переводя их, Маклинток прибегает к использованию английских фразовых глаголов («*umkippen*» («упасть в обморок») — «*keel over*»; «*sich hanteln*» («перемахнуть, перепрыгнуть через что-либо») — «*swing over*»).

Следует особо упомянуть случаи, когда переводчик использует идиомы, разговорные выражения и лексические единицы, характерные для британского варианта английского языка. К примеру, для передачи глагола «*sich schlagen*» («бороться») (= *sich prügeln*) переводчик использует маркированное в словаре как разговорное выражение «*throw (one's) weight around*» (= *to use power or authority, especially in an excessive or heavy-handed way*), которое на русский можно перевести как «важничать»: «*Und die Insel ist immer noch die schönste in Europa, auch die Hunderte von Millionen Deutschen und die genauso fürchterlich um sich schlagenden Schweden und Niederländer haben sie nicht vernichten können*» («А остров по-прежнему самый прекрасный в Европе, его даже не смогли уничтожить ни сотни миллионов немцев, ни яростно набрасывающиеся на Пальму-де-Майорка шведы и голландцы») / «*Even the hundreds of millions of Germans and Swedes and Dutch who come here and throw their weight about so abominably haven't managed to destroy it*».

При переводе следующего предложения переводчик добавляет британскую идиому «*not by a long chalk*» («ни в коем случае») (= *by no means; not at all*): «...*wir sind jedes Jahr sehr oft hingegangen, sie sind zu uns ins Haus gekommen, aber Freunde sind sie deshalb noch lange nicht*» («...мы каждый год ходили к ним, они ходили к нам, но это же не

означает, что они нам друзья») / «*Every year we used to visit them frequently and they used to come to our house. But that doesn't make them friends, not by a long chalk*».

В следующем отрывке, чтобы конкретизировать, какая именно пожилая дама могла бы стать компаньонкой сестры Рудольфа (в оригинале — «*Dame*» («дама»)), в англоязычном переводе употребляется маркированное как разговорное слово «*dowager*» («пожилая дама с величественными манерами») (= an old woman who is, or behaves as if she is, of high social rank): «*Es müsste schon eine sogenannte uralte Dame aus dem allerbesten Stall sein, die es tatsächlich mit ihr aufnehmen kann*» («Только так называемая старая светская кляча из образцовой конюшни могла бы с ней посоперничать») / «*The only possible match for her would be an ancient dowager from the best stable, as they say*».

Фразеологизмы и идиомы в оригинале романа «Бетон» выделяются на фоне общего ровного и довольно монотонного стиля повествования и имеют яркую образность, что можно отнести как к художественному, так и разговорному функциональному стилю. Главное правило при переводе фразеологизмов — это нахождение идентичных фразеологических единиц в языке, на который осуществляется перевод. Однако число таких эквивалентных соответствий ограничено, поэтому чаще всего переводчики прибегают к другому приему — поиску аналогичной единицы, имеющей общее с исходным языком значение, но разное лексическое и образное воплощение.

Рассмотрим идиому «*jemandem auf den Leib geschrieben sein*» («быть точно подходящим для кого-то; точно соответствовать чьим-то потребностям») (= für jemanden genau passend sein; jemandes Bedürfnissen genau entsprechen; perfekt zu jemandem passen. Данное идиоматическое сочетание используется в следующем контексте в романе «Бетон»: «...*diese Rolle... ist mir erstklassig auf den Leib geschneidert*» («...эта роль идеально мне подходит»). На русский язык это выражение можно перевести наречием «идеально подходить» из-за отсутствия в русском языке аналогичного устойчивого словосочетания, а на английский язык данное словосочетание переводится с помощью зафиксированного в словаре выражения «*down to the ground*» (= to be exactly right or suitable for someone), как это сделано в английском переводе: «*This role... suits me down to the ground*».

Идиоматическое сочетание «*to take (one) to task*» (= to reprimand; to blame or censure), которое переводится на русский язык как

«призвать к ответу, ругать, отчитать», применяется в качестве перевода выражения *«gut zureden»* («успокаивать, увещевать кого-то») (= jemandem etwas zu bewirken; jemanden beruhigen/ ermuntern) в предложении *«Ich redete mir gut zu, richtete alles auf dem Schreibtisch so her...»* («Я убедил себя и поправил на письменном столе все так, чтобы можно было приступить к работе») / *«I took myself to task and arranged everything on the desk...»*.

Отдельно следует упомянуть случаи, когда в английском переводе романа «Бетон» передаются устойчивые метафорические значения слов. Эти значения могут появиться в результате метафорического переноса характеристик одного предмета на другой, что основано на эмоциональной оценке данного слова. Такой перенос значений осуществляется за счет сравнительных оборотов, которые имеют эмоциональную окраску и часто уподобляют некоторые черты людей качествам животных или неодушевленным предметам. Подобные устойчивые сравнения сходны по форме в разных языках, но не у всех народов животным приписываются одинаковые качества, что может создать сложности для перевода сравнительных оборотов. Содержащееся в романе «Бетон» фразеологическое уподобление *«zusammenschlagen jemanden wie einen Hund»* («избивать, как собаку») переведено Маклинтоком с помощью глагола *«cringe like a dog»* («сжеживаться, как собака») в следующем контексте: *«Zuerst ist die Luft herrlich...und von einem Augenblick auf den andern schlägt sie mich wie einen Hund zusammen*» («Воздух то прекрасный... то, временами, он избивает меня, как собаку») / *«At first the air is wonderfully fresh... then from one moment to the next it changes and has me cringing like a dog»*. Кроме того, в английском переводе наблюдается функциональная замена — действительный залог глагола *«schlagen»* меняется в английском переводе на сочетание глагола *«to have»* с герундием в значении «заставлять». Таким образом, в переводе подчеркивается незащищенность главного героя и уязвимость его здоровья перед изменчивым климатом.

Другое устойчивое «животное сравнение» можно обнаружить в английском переводе романа Бернхарда: *«I shall die like a dog, but I won't go to the dogs»*. Устойчивое сравнение *«die like a dog»* отсутствует в исходном предложении оригинала: *«...ich werde nicht auf den Hund kommen, ich werde krepieren, aber auf den Hund kommen werde ich nicht»* («Я околею, но не докачусь до собаки»). Глагол *«krepieren»* («околоть») имеет в немецком языке следующее значение: *«(von Tieren) verenden, elend sterben»* и зафиксирован в словаре как принадлежащий к грубой лексике. Включение стертой метафоры Мак-

линтоком придает языку перевода дополнительную образность, создавая игру различных употреблений слова «собака»: герой не хочет заводить собаку, предпочитая вместо этого «сдохнуть, как собака», в одиночестве.

В рассмотренных выше примерах перевод устойчивых сравнений основан на схожем восприятии животных и их качеств, метафорически переносимых на людей. Однако в романе «Бетон» можно встретить следующий оборот: «*Sie ist dumm wie die Nacht!*» («Она тупая, как пробка»), который на английский язык был переведен как «*She's as stupid as they come!*» Таким образом, переводчик вместо устойчивого сравнения использовал прием компенсации, употребив зафиксированный в словаре оборот «*as (something) as they come*» (= used to describe someone or something as having a characteristic to the highest degree).

Исследователи творчества Бернхарда отмечали, что стиль его произведений приобретает «британский оттенок» в переводе Д. Маклинтока. Лексико-стилистическое сопоставление романа «Бетон» с англоязычным переводом Маклинтока выявило следующие особенности: переводчик часто подвергает нейтральную, книжную окраску элементов исходного текста стилистической модификации, изменяя их на более формальные элементы. Автор английского перевода использует только британские идиомы, слова и выражения при переводе контекстов, содержащих и не содержащих идиомы. Расхождения на синтаксическом уровне между оригиналом и его адаптацией на английском языке вызваны особенностями языка перевода и не приводят к серьезным стилистическим несоответствиям. В целом можно сказать, что стиль перевода соответствует оригиналу, но приобретает более «чопорный» и по-британски сдержанный характер.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М., 1975. — 240 с.
2. Гронская О.Ч. Проблема национальной и личностной самоидентификации в романе Томаса Бернхарда «Исничтожение» // Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи: междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т; редкол.: А.А. Гутнин (отв. ред.) [и др.] Н., 2017. — 352 с.
3. Котелевская В.В. Томас Бернхард и модернистский метароман: монография. — Р; Т., 2018. — 352 с.

4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: учеб. пособие. — М., 2002. — С. 199–226.
5. Беркнер С.С., Вошина О.Е. Проблема сохранения индивидуального стиля автора и стиля произведения в художественном переводе (на примере произведений С. Моэма) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 1. — С. 71–73.
6. Darukhanawala P.S. Communication and Hope in Thomas Bernhard's Later Prose Writings. — London, 2001. — 310 p.
7. Honegger G. Language Speaks. Anglo-Bernhard: Thomas Bernhard in Translation // A Companion to the Works of Thomas Bernhard / Ed. by Konzett, M. Columbia, 2002. — P. 169–187.

STYLISTIC PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF THOMAS BERNHARD'S NOVEL «CONCRETE» FROM GERMAN INTO ENGLISH

A.S. Gerasimova

Abstract. This paper examines the problem of interpreting and conveying the stylistic devices of a source text when translating it into another language. The material for the study is the novel "Concrete" by the Austrian writer Thomas Bernhard and its translation into English by David McLintock. Examples of the transformation of the novel's lexical and stylistic devices are analyzed in terms of functional styles. A detailed analysis of the artistic and stylistic features of the adaptation of the text into another language is carried out. Cases of mismatch between individual lexical units of the original language and their translation at the stylistic level are considered separately.

Keywords: translation, stylistic devices, functional styles, connotation, phraseology, idiom.

References

1. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) [Language and translation (Questions of general and particular translation theory)]. — М., 1975. — 240 p.

2. *Gronskaja O.Č.* Problema nacional'noj i ličnoj samoidentifikaciji v romane Tomasa Bernharda «Izničtoženie» [Problem of national and personal identity in Tomas Bernhard's novel «Auslöschung»] // Romano-germanskaja filologija. Konteksty kultury i literaturnye svjazi: meždunar. sb. nauč. st. / Polockij gos. un-t; redkol.: Ed. by A.A. Gugnin [et al.] — N., 2017. — 352 p.
3. *Kotelevskaja V.V.* Tomas Bernhard i modernistkij metaroman: monografija [Thomas Bernhard and the modernist metanovel]. — R.; T., 2018. — 352 p.
4. *Fedorov A.V.* Osnovy obščej teorii perevoda: ucebnoe posobie [Fundamentals of the theory of translation: textbook]. — M., 2002. — P. 199–226.
5. *Berkner S.S., Voshina O.E.* Problema sokhraneniya individual'nogo stilya avtora i stilya proizvedeniya v khudozhestvennom perevode (na primere proizvedenii S. Moema) [The problem of preserving the individual style of the author and the style of the work in literary translation (on the example of the works of S. Maugham)] // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. — 2003. — No. 1. — P. 71–73.
6. *Darukhanavala P.S.* Communication and hope in Thomas Bernhard's later prose writings. — London, 2001. — 310 p.
7. *Honegger G.* Language Speaks. Anglo-Bernhard: Thomas Bernhard in Translation. // A Companion to the Works of Thomas Bernhard / Ed. by Konzett, M. Columbia, 2002. — P. 169–187.

СОХРАНЯЯ ОБРАЗНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ИДИОМ И ПОГОВОРК В РОМАНЕ Л. М. ОЛКОТТ «РЕБЯТА ДЖО»

А.С. Герасимова

Аннотация. Данная работа исследует роль идиом и идиоматических выражений в языке. В ней анализируется их культурное значение, лингвистическая классификация и трудности перевода. Также рассматривается теория идиом и их влияние на язык и коммуникацию с акцентом на их уникальные особенности, такие как семантическая непрозрачность и культурная релевантность. В статье также подробно исследуются сложности перевода идиом, подчеркивается необходимость сохранения их образного смысла и культурных нюансов для целевой аудитории. Настоящее исследование посвящено переводу идиом, метафор, пословиц и крылатых выражений в романе Луизы Мэй Олкотт «Ребята Джо», заключительной главе саги о сестрах Марч. Данный анализ фокусируется на том, как Олкотт использует образный язык, и исследует стратегии перевода, применяемые тремя российскими переводчиками: А.В. Глебовской (2020), Н.В. Розен (1910) и М.Ю. Батищевой (2011). Оригинальный текст рассматривается параллельно с переводами, что позволяет выделить различные подходы к передаче идиоматических выражений и их культурных нюансов. Перевод образной фразеологии в романе «Ребята Джо» Л.М. Олкотт представляет собой сложную задачу. Автор мастерски играет с идиомами, пословицами и поговорками, часто искажая их обычную форму. Это требует от переводчиков поиска подходящих эквивалентов с сохранением авторского замысла.

Ключевые слова: перевод, фразеология, идиомы, поговорки, образный язык, «Ребята Джо», Луиза Мэй Олкотт, стратегии перевода, лингвистический анализ, сравнительный анализ, переводоведение.

Желание сделать речь яркой и запоминающейся естественно для каждого. Использование пословиц, поговорок и крылатых фраз помогает достичь этой цели.

Фразеологические выражения, такие как пословицы и крылатые выражения (афоризмы), передают культурные и эмоцио-

нальные оттенки, что делает их полезными для передачи мудрости. Как отмечал И.Е. Аничков [2], идиомы добавляют чувственно-интуитивное описание нашего мира к информационному аспекту языка.

В лингвистике идиомы и идиоматические выражения остаются в центре внимания ученых и переводчиков. Шарль Балли [3] систематизировал сочетания слов по критерию устойчивости, а российские лингвисты классифицировали их на разные группы: фразеологические сращения, единства и сочетания. Например, сращение имеет немотивированное значение («*to cut a dash*»), а единство — мотивированное («*to show one's teeth*»). Советский лингвист Н.Н. Амосова [1] изучала фразеологические обороты, акцентируя внимание на их контексте и семантике. Она подчеркивала, что фразеологизмы не только делают речь более выразительной, но и выполняют когнитивные и эмоциональные функции, передавая культуру и менталитет носителей языка. На культурное значение, которое имеют фразеологизмы и их употребление, указывала В.Н. Телия [13], основатель интересного направления в гуманитарных исследованиях — лингвокультурологии.

Фразеология как дисциплина продолжает развиваться, помогая понять язык и культуру в их взаимосвязи. Исследования в этой области охватывают лексические, семантические и прагматические аспекты фразеологизмов. Они важны для языка благодаря своей устойчивости и частотности и характеризуются несоответствием между содержанием и формой, что придает им глубину и гибкость. Их значение часто невозможно вывести из контекста, что позволяет лаконично обозначать сложные явления. А.В. Кунин отмечал, что «в составе английской фразеологии, очень богатой и разнообразной, имеется большое количество фразеологических единиц, отличающихся многозначностью и стилистической разноплановостью, т.е. таких, которые могут употребляться в различных стилях речи» [7, с. 13].

Фразеологические единицы могут быть как устойчивыми выражениями, так и клише, возникающими в конкретных ситуациях. Например, идиома «*hit the nail on the head*» указывает на точное замечание, хотя ее дословный перевод не отражает этого смысла. Это иллюстрирует зависимость идиом от контекста.

Современные исследования могут учитывать социальные и культурные факторы, влияющие на идиоматические выражения. Например, фразеологизмы, связанные с природой, могут варьироваться между культурами и отражать общие ментальные шаблоны.

Использование спортивной терминологии в экономике демонстрирует влияние спорта на язык.

Частотность употребления выражений также может указывать на их фразеологический статус: редкое использование может сделать речь устаревшей или необычной.

В.В. Виноградов [4] классифицировал фразеологизмы на три типа в зависимости от их лексикализации.

1. Фразеологические сращения (идиомы) — фиксированные выражения («*to fly off the candle*» («сердиться»), «*to take the cake*» («быть на месте»)).
2. Фразеологические единства — более свободные сочетания («*to burn the bridges*» («сжигать мосты»), «*to have other fish to fry*» («иметь дела поважнее»)).
3. Фразеологические сочетания (коллокации) с возможностью замены одного слова синонимом. Коллокации — это словосочетания с регулярным употреблением и определенными связями, как «*strong tea*» или «*beefy computer*».

Профессор А.И. Смирницкий существенно продвинул изучение фразеологии, предложив классификацию фразеологических единиц [12]. Он выделил два основных типа: фразеологизмы и идиомы. Фразеологизмы, по мнению А.И. Смирницкого, характеризуются стилистической нейтральностью, тогда как идиомы отличаются метафорической природой своего переносного значения и имеют более глубокое значение, например «*kick the bucket*» («умереть») не передает своего смысла через отдельные слова.

Перевод фразеологических единиц представляет собой сложную задачу, поскольку многие из них не имеют прямых аналогов в других языках. Переводчики на практике сталкиваются с несколькими трудностями.

1. Неправильная интерпретация: фразеологизмы могут восприниматься как свободные сочетания слов, что приводит к искажению смысла.
2. Сложность передачи стилистических нюансов: многозначность английских фразеологизмов затрудняет поиск эквивалентов в русском языке.
3. Недостаток прямых аналогов: многие фразеологизмы требуют от переводчика выбора между несколькими вариантами с различной экспрессивностью.

Фразеологические выражения обогащают язык, создавая эстетическую глубину. Образная фразеология делает язык более динамичным и выразительным, добавляя эмоциональную насыщен-

ность. Переводчику важно не только передать смысл фразеологизма, но и сохранить его образность для русскоязычного читателя. Даже если оригинальная образность немного потеряна, переводчик должен стремиться восстановить ее. Перевод образных фраз представляет собой сложную задачу, так как существует риск ошибочного восприятия фразеологизма как свободного словосочетания. «Фразеология — чрезвычайно сложное явление, изучение которого требует своего метода исследования, а также использования данных других наук — лексикологии, грамматики, стилистики, фонетики, истории языка, истории, философии, логики и страноведения. Это одна из языковых универсалий, так как нет языков без фразеологизмов» [8, с. 27].

Успешный перевод фразеологии требует глубокого понимания обоих языков и способности чувствовать контекст и стилистические нюансы. В переводоведении важным аспектом является изучение методов перевода фразеологических единиц. Например, В.Н. Крупнов [6] предлагает переводить фразеологизмы с помощью абсолютного (выбирая полностью идентичное соответствие на языке перевода) или выборочного (наиболее подходящий по контексту из ряда возможных) эквивалента. Вот основные подходы, которые выделяют другие теоретики [5, 14].

1. Дословный перевод (калькирование). Этот метод применяется, когда фразеологизм не имеет эквивалента в целевом языке. Переводчик сохраняет образность оригинала, создавая новое выражение, понятное для русскоязычного читателя. Пример — фраза «вступить на лестницу, ведущую к успеху», которая является калькой с английского.
2. Описательный перевод. Когда дословный перевод неуместен, используется объяснение смысла фразеологизма через свободное сочетание слов. Это может привести к потере образности, но позволяет передать значение. Например, «лишить наследства» вместо «*cut somebody off with a shilling*».
3. Контекстуальные замены. Этот метод включает поиск русской фразеологической единицы, которая не обязательно соответствует английскому выражению по значению, но передает его суть в определенном контексте, сохраняя экспрессивную окраску оригинала.

Эти методы подчеркивают сложность перевода фразеологии, где важно учитывать смысл и стилистические особенности оригинала.

При переводе фразеологических единиц важно передавать образ, а не просто языковую структуру. Если нет абсолютного эквивалента, следует использовать относительный, что может потребовать изменений в русском языке, как, например, в случаях *«to play into one's hands»* — «играть на руку кому-либо» или *«not to see the wood for the trees»* — «за деревьями не видеть леса».

Если эквивалент отсутствует, переводчик может воспользоваться фразеологическим аналогом — выражением с похожим значением, но другой образной основой. Важно помнить, что такие аналоги могут иметь различную эмоциональную окраску и не всегда могут быть взаимозаменяемыми. Например, *«to be in a pickle»* можно перевести как «быть в затруднительном положении», но это может звучать менее идиоматично.

Калькирование, хотя и менее эффективно, может помочь внедрить новый фразеологизм. Этот метод часто используется для выражений из античной культуры или религиозных источников. В некоторых случаях применяют двойной перевод — сочетание калькирования и описательного перевода.

Когда нет аналогов и нельзя калькировать, используется объяснительный перевод, что может привести к потере образности. В таких случаях полезен переводческий комментарий.

По мнению Бейкер, главные трудности перевода идиом связаны с их распознаванием и передачей значений [15, с. 65]. Бывает, что аналогичные идиомы имеют разные значения в разных культурах. Трудности могут возникать, когда идиома используется одновременно в буквальном и переносном смысле. Кроме того, различия в использовании идиом между языками усложняют процесс перевода. Некоторые идиомы могут считаться более формальными или неформальными в зависимости от языка, а также могут быть распространены в определенных регионах или социальных группах.

Крылатые фразы — это популярные и выразительные высказывания, часто используемые в речи. Они могут включать слова исторических личностей, цитаты и имена знаменитых персонажей, которые приобрели общее значение.

Пословицы можно определить как короткие, ритмичные изречения, которые передают суть явления или процесса, часто с использованием аллегорий. Примеры таких выражений: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»; «Дружба — дружбой, а служба — службой»; «Волков бояться — в лес не ходить»; «Сколько волка ни корми — все равно в лес смотрит». Эти поговорки могут возникать из простых поэтических произведений, таких как басни или по-

словицы, а также самостоятельно интегрироваться в разговорную речь, символизируя суть идеи произведения через образные выражения, такие как «свинья под дубом» или «собака на сене».

Рассмотрим особенности перевода идиом, метафор, пословиц и крылатых выражений на примере романа Л.М. Олкотт «*Ребята Джо*», который завершает цикл о сестрах Марч и их воспитанниках на фоне ключевых событий в культуре и идеологии Америки. Роман был написан в период с 1883 по 1886 г. и затрагивал темы гендерных ролей, образования и прав женщин. Персонажи Дэн и Нэн иллюстрируют возможности для людей вне общества. Критики отмечают обаяние и юмор Олкотт, хотя некоторые считают роман «*Ребята Джо*» менее схожим с ее предыдущими произведениями.

В данном исследовании мы анализируем использование фразеологизмов, крылатых выражений и пословиц в романе «*Ребята Джо*», чтобы понять, как автор работает с образной фразеологией. Мы предполагаем, что автор вносит изменения в образную фразеологию, чтобы усилить выразительность языка и создать индивидуальный стиль.

Для анализа были выбраны три перевода романа на русский язык, выполненных А.В. Глебовской (2020) [10], Н.М. Розеном (1910) [9] и М.Ю. Батищевой (2011) [11]. Сравнивая переводы, мы выявили различные стратегии перевода образной фразеологии, которые представлены в таблице. В таблице также указаны оригинальный контекст и значение фразеологизма согласно толковым англо-английским словарям [16, 17].

Разный подход и способы передачи фразеологизмов в романе Олкотт можно увидеть наглядно, проведя сравнительный анализ оригинала и переводов.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебовская	Н.М. Розен	М.Ю. Батищева
Emil is one of the happy-go-lucky sort who always fall on their legs	<i>fall on their feet</i> idiom, British — to be in good condition or in a good situation after having a bad or difficult experience	Эмиль — человек веселый и беззаботный, из тех, кто всегда выходит сухим из воды	Эмиль принадлежит к числу тех счастливых, которым всегда везет в жизни	Эмиль — один из тех беспечных и веселых малых, которые всегда выходят сухими из воды

Надо отметить, что в оригинальном отрывке идиома «*to fall on one's feet*», зафиксированная в словаре, была модифицирована — вместо «*feet*» используется «*legs*». Что касается представленных вариантов перевода, то в большинстве случаев переводчики пытались подобрать аналог в русском языке, сохраняя образность фразеологизма в переводе. Только Н.М. Розен прибегает к описательному способу передачи данного выражения, что, пожалуй, является менее удачной стратегией. Эмиль — моряк, и фраза «выходить из воды сухим» — яркая и уместная метафора, отражающая его «морской» характер. Она показывает, что Эмиль — не просто везунчик, а истинный морской волк, который всегда находит выход из сложных ситуаций.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебовская	Н.М. Розен	М.Ю. Батищева
Look at that absurd Tom, wasting his time and making an object of himself just because he can't have what he wants, like a baby crying for the moon	<i>like a baby crying for the moon.</i> <i>idiom, British</i> — to ask for something that is very difficult or impossible to get	Посмотри на этого нелепого Тома — транжирит время попусту и выставляет себя на посмешище только потому, что ему не дают желаемого , — так младенцы ревут, требуя луну	Посмотрите, например, на этого нелепого Томми, который представляет собой смешотворную фигуру только потому, что он не может получить желаемого , совсем как ребенок, требующий луну	Ты только посмотри на этого глупого Тома! Растрчивает время попусту и выставляет себя на посмешище только потому, что не может получить того, чего хочет , как малыш, который плачет и просит луну с неба

Идиома «*like a baby crying for the moon*», переводящаяся на русский язык как «желать (требовать) невозможного», кажется переводчикам настолько яркой, что все они переводят ее дословно, не пытаясь найти более образный эквивалент в русском языке.

Поговорки — это краткие народные изречения, имеющие одновременно и буквальный, и переносный план или только переносный план, составляющие в грамматическом отношении законченные предложения. Существуют четыре способа перевода по-

словicc: поиск фразеологического эквивалента, фразеологического аналога, калькирование и описательный перевод.

Рассмотрим несколько примеров употребления Олкотт поговорок в романе «*Ребята Джо*». Далее будет проведен сравнительный анализ имеющихся переводов на русский язык.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебов- ская	Н.М. Розен	М.Ю. Бати- щева
The worm has turned at last, Nan, and your bond-man is free	<i>the worm has turned.</i> <i>proverb</i> — said to mean that someone who has tolerated a lot of bad treatment from other people without complaining unexpectedly changes their behaviour and starts to behave in a more forceful way	Итак, Нан, Том уходит в новую жизнь, вырвавшись из оков старой привязанности	Положение несколько изменилось, Нэн, и твой раб получил свободу	Всякому терпению когда-нибудь приходит конец, Нэн, и твой раб отныне свободен

Как можно заметить, Олкотт модифицирует фразеологизмы, добавляя или обыгрывая элементы образных единиц. В данном случае она добавляет «*at last*» к пословице «*the worm has turned*», тем самым слегка дополняя ее смысл. В русском языке она переводится как «у него наконец лопнуло терпение». При переводе пословицы на русский язык в большинстве случаев теряется ее эмоциональность и категоричность. В отличие от других переводов, в варианте М.Ю. Батищевой используется аналогичный фразеологический оборот русского языка, что делает его более естественным и привлекательным для русского читателя.

Английский язык изобилует «морскими» фразеологизмами, что неудивительно. «*To be in deep water*» — «быть в затруднительном положении, в опасности»; «*to weather the storm*» — «преодолеть трудности, справиться с кризисом»; «*to sail close to the wind*» — «действовать рискованно, на грани допустимого» — эти и многие другие фразеологизмы на морскую тематику плотно вошли в образную

систему английского языка, став важной частью его культурного кода, отражая исторический опыт нации, для которой море играло важную роль в жизни и развитии.

Как островная нация, долгое время господствовавшая на морских просторах, британцы веками совершали длительные морские путешествия, и многие сферы их жизни пронизывала морская тематика, что нашло отражение в их языке и художественных произведениях. Благодаря этому многие существующие в английском языке образные средства связаны с морем, что придает им особую глубину и живописность.

Подобно Британии, Америка, окруженная океанами, тоже черпала вдохновение в «водной» тематике. США унаследовали от англичан не только язык, но и образную систему, и морские фразеологизмы проникли в разные жизненные сферы — от мореплавания до достижения целей, а также более приземленные бытовые стороны жизни.

В романе Олкотт, который является объектом данного исследования, тоже можно найти «морские» фразеологизмы — это обосновано, в частности, присутствием в числе героев моряка Эмиля по прозвищу Командор, который с детства бредил морем и общался исключительно с помощью строчек из морских песен, употреблял в речи типично «морские» фразы — жаргонизмы, которые подчас непонятны даже для миссис Джо, которая прочла много приключенческой литературы.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебов- ская	Н.М. Розен	М.Ю. Бати- щева
... but I'll see that the boys don't get abused when he's bowed up his jib	bowse up one's jib <i>idiom, informal</i> — (nautical), an old phrase, meaning to tiddle	... но я стану следить за тем, чтобы, когда его начинает штор-мить , матросам не доставалось лишнего	... но, во всяком случае, я приму меры, чтоб он не обижал матросов в тех случаях, когда напи-вается до зеленого змия	... но я прослежу, чтобы он не обижал ребят, когда «стя-нет кливера»

Выражение «*bowsing one's gib or jib*» присуще морскому жаргону, который означает «напиваться», но отмечен в словарях как устаревшая идиома, более свойственная неформальной речи. Перевод А.В. Глебовской является неточным, так как «штормить» в данном контексте не подходит, означая «быть бурным, волноваться при шторме». Н.М. Розен предоставил верный перевод, но использует устаревший фразеологизм «зеленый змий», который далек от морской тематики. Самый точный и адекватный вариант у М.Ю. Батищевой, которая использует словосочетание «стянуть кливера», что буквально значит «выбрать шкоты кливера втугую» и является жаргонизмом, аналогичным выражению «хватить лишнего». Однако последний вариант очень специфичен и может быть непонятен читателю без разъясняющей сноски.

Важное место среди образных средств Олкотт в романе «*Ребята Джо*» занимают образные сравнения («*simile*»). Как в случае с фразеологизмами и пословицами, автор творчески обыгрывает устоявшиеся сравнения, которые могут концептуально совпадать как в английском, так и в русском языке, поэтому их можно перевести дословно. Подобными примерами являются следующие образные сравнения.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебов- ская	Н.М. Розен	М.Ю. Бати- щева
Rob and Teddy were called the 'Lion and the Lamb' as rampant as the king of beasts , and the former as gentle as any sheep that ever baaed»	as rampant as a lion, lion rampant — <i>the positioning or attitude of the lion.</i> as gentle as any lamb idiom — when someone is “as gentle as a lamb”, it means that they're harmless, kind and pleasant	Роба и Тедди звали «лев и Агнец»: Тедди был сви́реп , словно царь зверей , а Роб смирен , точно овечка	Роб и Тедди на основании разницы в их характерах получили прозвища Ягненок и Лев, ввиду того что Тедди обладал непоседливостью и неукротимостью царя зверей , а Роб своей кротостью мог превзойти любого ягненка	Теда и Роба называли «Лев и Ягненок», поскольку младший был так же необуздан, как царь зверей , а старший — так же кроток, как самая кроткая овечка из всех , что когда-либо блеяли на этом свете

Олкотт модифицирует и делает ярче, ироничнее образные сравнения, что ставит сложную задачу перед переводчиками, которым нужно не только адекватно передать оригинальные образные сравнения, но и попытаться сохранить синтаксическую структуру предложения, где они встречаются. Из представленных в таблице вариантов перевод А.В. Глебовской довольно точен, но теряет образность оригинального текста. Н.М. Розен передал смысл исходного предложения более подробно, но его вариант теряет в лаконичности и динамичности. Самый живой и образный перевод предложила М.Ю. Батищева, которая сохраняет стиль оригинального текста и передает его суть.

Ниже показаны примеры других образных сравнений из романа «Ребята Джо». В некоторых случаях они модифицированы, в других контекстах даны как есть. Однако если проверить дефиниции в словарях, то станет очевидно, что все эти атрибутивные словосочетания помечены как архаичные, а значит, больше не употребляются, что, в свою очередь, не только усложняет задачу переводчика, но и предоставляет свободу фантазии и позволяет найти наиболее удачный и образный вариант перевода.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебов- ская	Н.М. Розен	М.Ю. Батищева
as jolly as a grig.	as jolly as a grig <i>simile, dated</i> — very merry or cheerful.	бодрый как огурчик	—	веселый и жиз- нерадостный
looking as solemn as Fate in a breakfast- cup.	as solemn as a judge — very serious and formal.	похожая в своем ут- реннем чепце на величествен- ную судьбу	торжест- венно совершенно спокойно	качая головой в утреннем чеп- чике торжест- венно и серьёзно, словно сам Рок
alm as clocks.	calm as clocks <i>archaic</i> — a dead calm.	бровью не поведем		невозмутимо, как часы

Тексты Священного Писания служат важным источником фразеологического материала не только в английском, но и в русском языке. Библия как основа христианской культуры стала источником множества устойчивых выражений, которые укоренились в сознании людей. Библейские притчи, часто используемые на церковных службах, постепенно стали обыденными оборотами в повседневной речи. К примеру, библейское выражение «умыть руки» отображает снятие с себя ответственности. Многие цитаты из Библии настолько ассимилировались, что их библейское происхождение можно узнать лишь по пометке в словаре. Эти выражения обладают выразительной насыщенностью и яркими образами, что сделало их общепонятными и доступными.

В романе Олкотт «*Ребята Джо*» немало фразеологизмов и крылатых выражений библейского происхождения, ведь вся ее тетралогия носит дидактический характер и направлена на то, чтобы отразить общехристианские ценности.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебовская	Н.М. Розен	М.Ю. Батищева
... we both know that the dear child is the apple of her father's eye , the pride of her mother's heart, and that the most perfect lover they can find will hardly seem to them worthy of their precious daughter	the apple of one's eye <i>Idiom</i> — a person of whom one is extremely fond and proud	... мы с тобой оба знаем, что отец бережет это милое дитя как зеницу ока , а мать гордится им до глубины души, так что, даже если появится совершенно безупречный возлюбленный, вряд ли они сочтут его достойным своей дочери	... мы ведь оба знаем, как родители обожают эту девочку	... мы оба знаем, что отец души не чает в дорогой девочке и она гордость материнского сердца

Идиома «*the apple of one's eye*», основанная на представлении древних о том, что зрачок глаза имеет форму яблока и что глаза особенно драгоценны, встречается в Библии (Второзаконие 32:10). Впервые упоминается до 900 г.; древнеанглийское «*æppel*» — «яблоко», также используемое для перевода латинского «*pupillam oculi*» — «зрачок глаза» (Псалом 18:8 Вульгаты), в переносном

смысле относится к чему-то или кому-то драгоценному. В отрывке из романа Олкотт эта фраза приводится без каких-либо изменений, но если проанализировать варианты перевода, можно убедиться, что эквивалентная идиома, существующая в русском языке, встречается только в версии А.В. Глебовской. В целом ее перевод достаточно точен, но немного тяжеловат и не так эмоционален, как оригинал. Н.М. Розен предложил слишком упрощенный способ передачи оригинальной идиомы, объединив описание отношения к дочери обоих родителей в один глагол «обожают», что несколько обедняет контекст. Перевод М.Ю. Батищевой более лаконичный и динамичный, но полностью не передает смысл оригинального текста.

Имена собственные несут не только практическую информацию, необходимую для идентификации объекта, но и служат носителями культурного смысла. Когда мы слышим имя *Черчилль*, мы мгновенно ассоциируем его с историей, политикой, а также с определенной эпохой. То же самое относится к именам *Шекспир* и *Король Артур*. Эти имена, став символами, отражают культурные ценности и традиции народа. Идиомы, которые опираются на имена собственные, включают в себя библейских, фольклорных, античных персонажей, известных ученых, а также античных персонажей.

В романе Олкотт можно увидеть многочисленные случаи употребления имен собственных в различных функциях — антономазия (метафорическое употребление собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя этого имени), сравнение и идиома. Источниками таких имен собственных явились Библия (Даниил), античная мифология (Фемида) и мировая литература — в основном Диккенс (Трэддлс, Дора, Пегготи, Микобер и др.), фольклор (сестрица Анна — из сказки «Синяя борода») и др. Давайте рассмотрим один из примеров идиоматического использования имени собственного и варианты его перевода на русский язык.

Согласно словарю *Merriam-Webster Dictionary* именная идиома «*Paul Pry*», которая произошла от имени главного действующего лица комедии Дж. Пула «*Пол Прай*» (1825), является устаревшей. Действительно, для современных носителей английского языка более привычными способами иносказательно назвать любопытного человека были различные другие имена собственные, такие как «*Nosey Nelly*», «*Peeping Tom*», «*Nosy Nellie*». Говорящим по-русски людям известна поговорка «*Любопытной Варваре на базаре нос*

оторвали», фразеологизмы «*всюду совать свой нос*», «*лезть не в свое дело*» и другие образные выражения для описания любопытных людей. В приведенных в таблице вариантах перевода мы не увидим ни одного из зафиксированных в русском языке фразеологизмов, обозначающих любопытного человека. А.В. Глебовская транслирует именную идиому, перевод Н.М. Розена неточен, так как переводчик не учел, что «*Paul Pry*» относится не к литераторам, а к репортерам. Перевод М.Ю. Батищевой, использующей яркую метафору «любопытствующие по должности», является описательным, но не слишком идиоматичным.

Оригинал	Значение идиомы из словаря	А.В. Глебов- ская	Н.М. Розен	М.Ю. Бати- щева
She liked his literary tendencies, but had reason to detest official Paul Prys , as we shall see later	Paul Pry idiom, dated — an excessively inquisitive person (after Paul Pry meddling hero of the comedy Paul Pry (1825) by John Poole †1872 English playwright)	Ей нравился его стиль, но у нее были свои причины недолюбливать официальных Полов При — почему именно, мы узнаем позже	Ей нрави-лась его склонность к литера-туре, но, как мы увидим дальше, она имела свои причины, для того чтобы нена-видеть офи-циальное положение литератора	Ей нрави-лось, что пле-мянник про-являет лите-ратурные на-клонности, но, как мы увидим в дальней-шем, у нее были все ос-нования пи-тать отвраще-ние к « любо-пытствующим по должности »

Итак, перевод образной фразеологии в романе Олкотт «*Ребята Джо*» представляет собой непростую задачу. Автор мастерски обыгрывает и модифицирует фразеологизмы, крылатые слова и поговорки, зачастую искажая их привычную форму. Это делает работу переводчика особенно сложной, поскольку ему приходится не только находить подходящий эквивалент, но и учитывать авторский замысел.

Сравнивая различные переводы романа, можно заметить, что не всегда удастся найти точный русский аналог для фразеологических выражений Олкотт. Иногда переводчики прибегают к описательной стратегии, а порой и вовсе пропускают фразеологизм, не находя подходящего эквивалента.

Наиболее удачным вариантом перевода является полное соответствие фразеологической единицы в исходном и переводном текстах. Однако следует помнить, что прямая подстановка эквивалентов, особенно имеющих локальный колорит, может выглядеть неуместно в чужой культурной среде.

Таким образом, успешный перевод фразеологии требует от переводчика не только глубокого знания языков, но и понимания культурных особенностей, а также умения чувствовать тонкости языка и стилистические нюансы.

Фразеологизмы — важная часть языка, которая обогащает его и делает более выразительным. Понимание и правильный перевод этих единиц требуют глубоких знаний как языка оригинала, так и языка перевода. Исследования в этой области продолжаются, и каждый новый случай перевода приносит новые вызовы и открытия.

Список литературы

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. — Л., 1963. — 208 с.
2. Аничков И.Е. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Он же. Труды по языкознанию. — СПб., 1997. — С. 101–145.
3. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. К.А. Долинина; под ред. Е.Г. Эткинда. — М., 1961. — 394 с.
4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Он же. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — 312 с.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М., 2001.
6. Крупнов В.Н. Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика. — М., 1974. — 232 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. — М., 1956. — 1455 с.
8. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. — М., 1972. — 287 с.
9. Олькот Л.М. Маленькие мужчины, ставшие взрослыми / пер. бар. Н.М. Розен. — СПб.; М., 1910. — 370 с.
10. Олкотт Л.М. Взрослая жизнь / пер. А.В. Глебовской. — СПб., 2020. — 384 с.

11. *Олкотт Л.М.* Маленькие мужчины становятся взрослыми / пер. М.Ю. Батищевой. — М., 2023. — 416 с.
12. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. — М., 1998. — 259 с.
13. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. — М., 1966. — 288 с.
14. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). — СПб., 2002. — 416 с.
15. *Baker M.* In Other words (A Course book on Translation). — N.-Y., 1977. — 317 p.
16. The Collins English Dictionary, online version. <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 25.10.2024).
17. The Merriam-Webster Dictionary, online version. <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 25.10.2024).

MAINTAINING IMAGERY: PECULIARITIES OF TRANSLATING PHRASEOLOGICAL UNITS, IDIOMS, AND SAYINGS IN THE NOVEL «JO'S BOYS AND HOW THEY TURNED OUT»

A.S. Gerasimova

Abstract. This work explores the role of idioms and idiomatic expressions in language. It examines their cultural significance, linguistic classification, and translation challenges. The theory of idioms and their impact on language and communication are explored, highlighting their unique features such as semantic opacity and cultural relevance. The article also delves into the complexities of translating idioms, emphasizing the need for preserving their figurative meaning and cultural nuances for the target audience. The present study examines the translation of idioms, metaphors, proverbs, and catchphrases in Louisa May Alcott's novel *“Jo's Boys”*, the concluding chapter in the March sisters' saga. The present analysis focuses on how Alcott uses figurative language and explores the translation strategies employed by three Russian translators: A.V. Glebovskaya (2020), N.M. Rosen (1910), and M. Yu. Batischeva (2011). The original text is viewed alongside the translations, highlighting the diverse approaches to conveying idiomatic expressions and their cultural nuances. Translating figurative phraseology in Alcott's *“Jo's Boys”* poses a challenge. The author masterfully plays upon idioms, proverbs,

and sayings, often distorting their usual form. This demands of translators to find suitable equivalents while preserving the author's intent.

Keywords: translation, phraseology, idioms, proverbs, figurative language, "Jo's Boys", Louisa May Alcott, translation strategies, linguistic analysis, comparative analysis, translation studies.

References

1. *Amosova N.N.* Osnovy angliiskogo frazeologii [Fundamentals of English phraseology]. — L., 1963. — 208 p.
2. *Anichkov I.E.* Idiomatika v riadu lingvisticheskikh nauk [Idiomatics among the linguistic sciences] // On zhe. Trudy po jazykoznaniiu. — SPb., 1997.
3. *Bally Sh.* Frantsuzskaia stilistika [Traite de stylistique francaise] / per. C fr. K.A. Dolinina; pod. red. E.G. Etkinda. — M., 1961. — 394 p.
4. *Baker M.* In Other words (A Coursebook on Translation). — N.-Y., 1977. — 317 p.
5. *Vinogradov V.V.* Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom jazyke [On the Main Types of Phraseological Units in the Russian Language]// On zhe. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. — M., 1977. — 312 p.
6. *Vinogradov V.S.* Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to translation Studies (general and lexical issues)]. — M., 2001. — 224 p.
7. *Krupnov V.N.* Kurs perevoda. Angliiskii jazyk: obshchestvenno-politicheskaya leksika [Translation course: English language: socio-political vocabulary]. — M., 1972. — 232 p.
9. *Kunin A.V.* Anglo-russkii frazeologicheskii slovar' [English-Russian phraseological dictionary]. — M., 1984. — 287 p.
10. *Kunin A.V.* Frazeologiya sovremennogo angliiskogo jazyka [Phraseology of modern English]. — M., 1972. — 287 p.
11. *Olcott L.M.* Malen'kie muzhchiny, stavshchie vzroslymi [Little men grown to manhood]. Per. bar. N.M. Rozen. — S.-P.; M., 1910. — 370 p.
12. *Olcott L.M.* Vzrosloia zhizn' [Adulthood]. Per. Glebovskoi A.V. — S.-P., 2020. — 384 p.
13. *Olcott L.M.* Malen'kie muzhchiny stanovjatsja vzroslymi [Little men and how they turned out]. Per. Batischevoi M. Yu. — M., 2023. — 416 p.
14. *Smirnitskii A.I.* Leksikologiya angliiskogo jazyka [Lexicology of the English language]/ A.I. Smirnitskii. — M., 1998. — 259 p.

15. *Teliia V.N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turnyi aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. — M., 1966. — 288 p.
16. The Collins English Dictionary, online version. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 25.10.2024).
17. The Merriam-Webster Dictionary, online version. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 25.10.2024).
18. Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of general translation theory (linguistic problems)]. — S.-P., 2002. — 416 p.

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО «MONEY» В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ И ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»

А.В. Захарова

Аннотация. В статье рассматривается роль ключевых слов в художественной организации литературного произведения на материале романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби». Существительное «money» выделяется как ключевое слово благодаря своей частотности в тексте романа, тесной связи с его глобальным замыслом, лексической полифонии и богатству контекстных связей. Оно выполняет композиционную функцию, служит средством характеристики персонажей, а также играет роль в концептуальной структуре произведения. Лингвопоэтический анализ ключевого слова проведен с привлечением методов корпусной лингвистики.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ, ключевое слово, концепт, частотность, лексическая полифония.

В лингвистике ключевые слова в первую очередь ассоциируются с двумя областями: лингвокультурологией, в которой «ключевые слова культур» рассматриваются как средство выражения культурных концептов [3, 12], и психолингвистикой, где особое внимание уделяется роли ключевых слов в понимании текста реципиентом; основным критерием выделения ключевых слов оказывается критерий частотности [7]. В лингвостилистике и лингвопоэтике это явление представляется малоизученным. В первую очередь ключевые слова связываются с индивидуальным стилем автора и составлением словаря писателя [5, 6].

Однако не стоит забывать, что, согласно психолингвистическому подходу, ключевые слова представляют собой опорные пункты конкретного текста. В художественном произведении такими словами оказываются те единицы, которые, помимо повышенной частотности, отличаются особой семантической и эстетич-

ческой нагруженностью [8]. Таким образом, среди критериев их выделения оказываются высокая частота употребления, богатство семантики и разнообразие контекстных связей, участие в создании смысловой многоплановости текста и в выражении важных художественных идей автора, а также использование в названиях произведений [8]. При этом для определения слова как ключевого достаточно соблюдения лишь нескольких из этих критериев.

В западной традиции наибольшее развитие получило лингвокультурологическое направление исследований. В первую очередь оно связано с работами Анны Вежицкой. Именно Вежицкая сформулировала принципы, связывающие лексический состав языка и культуру. Важнейшим из них является «принцип «ключевых слов» — слов, особенно важных и показательных для отдельно взятой культуры. ...Например, в русской культуре особенно важную роль играют слова «судьба», «душа», «тоска», и представление, которое они дают об этой культуре, поистине неопределимо» [3, с. 35–36]. Ключевые слова оказываются «центральными точками, вокруг которых организованы целые области культуры» [3, с. 37]. Иначе говоря, в ключевых словах языка закодированы ценности, присущие конкретной культуре. Таким образом, эти ключевые слова становятся средством выражения концептов.

Выводы Вежицкой позволяют нам связать понятие ключевых слов и понятие концепта не только в культуре, но и в исследовании художественного текста. Используясь в тексте романа, благодаря связи с глобальным художественным замыслом автора ключевое слово обрастает дополнительными семантическими и эстетическими смыслами и подчас раскрывается с неожиданных сторон. В данной статье рассматривается такое ключевое слово из романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» — существительное *money*.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу, необходимо обозначить методы, на которых основано данное исследование. В настоящее время при изучении ключевых слов широко привлекаются компьютерные программы, используемые в корпусной лингвистике, такие как *Wmatrix* или *Sketch Engine* [9, с. 163; 10, 13]. Одним из их инструментов как раз является поиск ключевых слов исследуемого корпуса. Он производится на основе сравнения частотности единицы в данном тексте с ее частотностью в более обширных корпусах текстов на английском языке.

В данной статье анализ ключевого слова производился путем сочетания автоматического метода и «ручного», основанного на

языковой интуиции исследователя. Для корпусного исследования использовалась программа *Sketch Engine*, особенно ее следующие разделы: *Keywords* и *Word Sketch* (выделение коллокаций с выбранным словом). Иногда для уточнения информации производилось обращение к другим разделам программы, например *Concordance*.

Обратимся теперь к материалу. Роман Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби» является историей молодого человека из низов, влюбившегося в девушку из богатой семьи. Движимый любовью и желанием быть ближе к ней, он решает во что бы то ни стало обрести богатство и статус. Гэтсби одержим своей мечтой быть рядом с Дэйзи, соответствовать ей, и ради этого он рвется в мир, которому не принадлежит. Не соизмерив свои возможности с целью, он оказывается жертвой иллюзий, что в конечном итоге приводит его к гибели. Неудивительно, что одним из ключевых слов в такой истории оказывается существительное *money*.

Ключевое слово *money* встречается в тексте романа 23 раза. Подобная частотность выделяет его на фоне других лексических единиц, однако для программы *Sketch Engine*, похоже, является недостаточной: в списке ключевых слов и ключевых словосочетаний *money* отсутствует. Вероятно, причина заключается в распространенности данной единицы в языке — и, соответственно, в других корпусах. Однако ее связь с глобальным замыслом романа очевидна. Такое «несовершенство» компьютерной программы еще раз убеждает нас в необходимости сочетания автоматических методов исследования с «интуитивным».

В Оксфордском словаре мы обнаруживаем следующие определения существительного *money*: 1. «*what you earn by working or selling things, and use to buy things*» (*Can you lend me some money until tomorrow?*); 2. «*coins or paper notes*» (*I counted the money carefully.*); 3. «*a person's wealth including their property*» (*The family made their money in the 18th century.*); 4. «*moneys, monies [plural] (law or old use) sums of money*» (*a statement of all monies paid into your account*) [11]. Четвертое значение в тексте романа не актуализируется. Третье же обращает на себя особое внимание благодаря очевидной связи с концептом *wealth*, характерным для западной культуры [12, с. 331]. Хотя ключевое слово *money*, строго говоря, не является выражением данного концепта, деньги — одна из важнейших его составляющих. Кроме того, роль *money* как чего-то большего, чем просто платежное средство, вытекает из капиталистического строя общества и связи с «американской мечтой» — идеей, что США являются страной безграничных возможностей и богатства [2]. Таким образом, уже

лексические значения ключевого слова позволяют нам задуматься о его роли в концептуальной структуре романа.

Обращаясь к примерам из текста, нередко довольно сложно провести границу между двумя словарными значениями: значение «*coins or paper notes*» (наиболее редкое в романе) чаще всего неразрывно связано с «*what you earn by working or selling things, and use to buy things*», как в следующем примере из второй главы, где Том дает любовнице деньги на покупку щенка: «*Here's your money. Go and buy ten more dogs with it*» (глава 2). Очевидно, что речь идет о переданных банкнотах, однако здесь важнее, что они используются в качестве платежного средства. Более того, благодаря второму предложению можно увидеть намек на третье значение — «*a person's wealth*»: числительное *ten* подчеркивает немалую сумму денег — а также возможность бездумно тратить их, не беспокоясь о стоимости покупки. Таким образом, мы можем говорить об одновременной реализации нескольких лексических значений — другими словами, о лексической полифонии [4].

Более сложно полифония с участием второго словарного значения реализуется в следующем контексте из первой главы романа.

«I bought a dozen volumes on banking and credit and investment securities and they stood on my shelf in red and gold like new money from the mint, promising to unfold the shining secrets that only Midas and Morgan and Maecenas knew» (Chapter 1).

В данном отрывке ключевое слово *money* входит в состав сравнения *like new money* в роли коррелята и используется в значении «*coins or paper notes*». Однако при этом оно оказывается в окружении других слов, связанных с финансами: *banking, credit, investment securities*, что включает его в определенное семантическое поле¹ и помогает актуализировать первое лексическое значение платежного средства. Также благодаря приему аллитерации обращают на себя внимание три имени, ассоциирующиеся со сказочным богатством: *Midas, Morgan, Maecenas*. Таким образом, первое появление

¹ «1) Частичка («кусочек») действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы. *Семантическое поле радости. Семантическое поле времени.* 2) Совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений» (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. С. 322).

ключевого слова *money* в тексте напрямую связано с темой финансов и богатства, что отсылает нас и к его третьему лексическому значению «*a person's wealth*» в самом широком смысле. Появление ключевого слова в сравнении *like new money* в роли коррелята указывает на то, что сами деньги здесь не материальны — их появление сулит изучение книг по банковскому делу. Путь к их получению, по мнению Ника Каррауэя, связан с изучением вопроса, но он уже видит на этом пути результат. Тема денег как средства достижения цели, таким образом, становится одной из ключевых уже на раннем этапе повествования.

Обратимся теперь ко второму употреблению ключевого слова в романе.

«His [Tom's] family were enormously wealthy — even in college his freedom with money was a matter for reproach — but now he'd left Chicago and come east in a fashion that rather took your breath away: for instance he'd brought down a string of polo ponies from Lake Forest» (Chapter 1).

Начиная с этого примера, уже практически невозможно разделить первое и третье словарные значения ключевого слова. Данный контекст также тесно связан с глобальным замыслом. Здесь поднимается не просто тема денег — здесь речь идет о «неприличном» богатстве, об излишествах и несоизмеримости с реальностью. Одной фразой «*his freedom with money was a matter for reproach*» автор намекает на то, что ждет нас в финале романа: здесь обнаруживается и мотив беспечности, и ингерентно отрицательное слово *reproach* — «упрек», «осуждение», указывающее на негативную оценку подобного поведения и разрушающее воздействие денег на человека в целом и на Тома Бьюкенена в частности. Стоит отдельно подчеркнуть, что связь *money* с мотивом излишества не следует из его словарного определения — она возникает именно в контексте романа. В характеристике некоторых персонажей эта связь представляется неотъемлемым атрибутом *money*, что постепенно приводит к **концептуализации** понятия, выраженного ключевым словом.

Итак, уже первые появления ключевого слова *money* в тексте дают нам подсказки на тему дальнейшего развития сюжета. Теперь рассмотрим более подробно те лексические единицы, которые с ним сочетаются и которые выделила программа *Sketch Engine* при анализе в *Word Sketch*.

Глаголы, с которыми употребляется *money*, представляют ключевое слово в его первом или третьем словарном значении: *money* является объектом для глаголов *inherit*, *earn*, *hand*, *need*, *want*, *make*, *pick up*, а субъектом — для *come* и *be*. Большинство этих глаголов относится к деньгам как к материальному благу, которое можно получить, заработать, унаследовать, передать и т.д., актуализируя первое и третье словарные значения. Часть из них, такие как *inherit* и *earn*, связана с богатством Гэтсби и вопросом, откуда он взял свои деньги. Обратимся к примерам:

«*My family all died and I came into a good deal of money*». (Chapter 4)

«*It took me just three years to earn the money that bought it*».

«*I thought you inherited your money*».

«*I did, old sport,*’ he said automatically, ‘*but I lost most of it in the big panic — the panic of the war*’ (Chapter 5).

Здесь ключевое слово служит исключительно раскрытию сюжетного элемента. Слово «*money*» ключевое для этой линии повествования потому, что на нем держится интрига и оно связано с загадкой истории Гэтсби. В этом использовании раскрывается одна из функций ключевых слов в художественном произведении — композиционная функция поддержания и продвижения сюжета.

Отдельного упоминания стоит следующий контекст с использованием глагола, не выделенный программой: «*The transactions in Montana copper that made him many times a millionaire found him physically robust but on the verge of soft-mindedness, and, suspecting this an infinite number of women tried to separate him from his money*» (Chapter 6). Для описания жадности женщин, жаждущих заполучить деньги Дэна Коди, используется нетипичный для этой коллокации глагол *separate* — его можно перевести как *разлучить* (с деньгами). Богатство в этом случае воспринимается как нечто большее, чем просто материальные блага, и вызывает ассоциацию с образом коварной разлучницы, уводящей мужчину из семьи. Подобное представление создает комический эффект.

Кроме того, здесь раскрывается иной аспект *money* как концепта: сближаясь с концептом *wealth*, деньги воспринимаются как нечто, кому-то принадлежащее. Таким образом, в структуре концепта *money* актуализируется компонент принадлежности, обладания — причем такого, которого человек может лишиться.

Завершая наш анализ глагольных сочетаний с ключевым словом *money*, взглянем на последнее его использование в романе: «*They*

were careless people, Tom and Daisy — they smashed up things and creatures and then retreated back into their money or their vast carelessness or whatever it was that kept them together, and let other people clean up the mess they had made...» (Chapter 9). Фразово-предложный глагол *retreat back into* не был отдельно выделен программой при анализе ключевого слова, однако именно этот контекст наиболее глубоко раскрывает выражаемое ключевым словом понятие как концепт. Здесь как нигде в романе очевидно, что *money* для супругов Бьюкенен — не просто физическое средство оплаты. Для них это образ и смысл жизни, некая субстанция, которая всегда обезопасит их существование и даст им преимущества перед другими, менее обеспеченными людьми. Это то, что всегда поможет скрыться от последствий собственных неприглядных или даже преступных действий. Сам выбор глагола указывает на восприятие денег как укрытия: «*an act of trying to escape from a particular situation to one that you think is safer or more pleasant*» [11]. Более того, использование наречной частицы *back* намекает, что именно этому «укрытию» герои и принадлежат. Деньги — это их индульгенция на совершение любых грехов, это основа их праздности и беспечности (*carelessness*), являющейся важной чертой всего их общества в целом. По сути, концепт *money* и концепт *carelessness* ставятся в один ряд.

Прилагательные, выделенные программой, не только поддерживают те значения и смыслы, которые мы обнаружили при анализе глагольных сочетаний с ключевым словом *money*, но и помогают раскрыть ключевое слово и выражаемый им концепт с другой стороны. *Sketch Engine* отмечает сочетания с прилагательными *easy, much, new, non-olfactory*. Из них наиболее интересными выглядят первое и, в особенности, последнее. Первое выражает идею легкой наживы: «*I was immediately struck by the number of young Englishmen dotted about; all well dressed, all looking a little hungry and all talking in low earnest voices to solid and prosperous Americans. I was sure that they were selling something: bonds or insurance or automobiles. They were, at least, agonizingly aware of the easy money in the vicinity and convinced that it was theirs for a few words in the right key*» (Chapter 3). Контекст использования второго прилагательного следующий: «*Over the great bridge, with the sunlight through the girders making a constant flicker upon the moving cars, with the city rising up across the river in white heaps and sugar lumps all built with a wish out of non-olfactory money*» (Chapter 4). Согласно оксфордскому словарю, *olfactory* означает «*connected with the sense of smell*» [11]. Очевидно, что выражение *non-olfactory money* (в таком виде не встречающееся нигде, кроме анализируемого ро-

мана) переключается с поговоркой «*Money does not smell*» («деньги не пахнут»). Для людей, следующих этому «принципу», деньги оказываются средством обретения определенного статуса, и ради этого они готовы поступиться моралью. И хоть у Гэтсби цель иная, его отношение к деньгам как к средству ее достижения сближает его именно с этими людьми, а не с Дэйзи и ее обществом, для которых деньги — способ существования. Таким образом, происходит неявное противопоставление двух ипостасей концепта *money* — как средства достижения цели и как образа жизни.

Также для понимания *money* как концепта важны две фразы с предлогом *of*. Обе они описывают Дэйзи. Появляясь во второй половине романа, они раскрывают ее истинную натуру. Первым сигналом служит следующий пример:

«*Gatsby turned to me rigidly:*

'I can't say anything in his house, old sport.'

'She's got an indiscreet voice,' I remarked. 'It's full of — I hesitated.

'Her voice is full of money,' he said suddenly.

That was it. I'd never understood before. It was full of money — that was the inexhaustible charm that rose and fell in it, the jingle of it, the cymbals' song of it... High in a white palace the king's daughter, the golden girl...» (Chapter 7).

Здесь голосу дается довольно необычная характеристика — *full of money*. Очевидно, что ключевое слово не может использоваться в буквальном значении в данном контексте. Здесь за ним стоит гораздо больше — идея богатства, статуса, недостижимой мечты, а также надменности, эгоизма и уже упомянутых ранее беспечности и безнаказанности. Весь этот комплекс идей не менее ярко, чем в последнем использовании в романе, демонстрирует природу ключевого слова *money* как концепта. Связь с концептом *wealth* и идея социального разрыва между Гэтсби и Дэйзи дополнительно подчеркиваются благодаря таким словам и словосочетаниям, как *high, palace, king's daughter, golden girl*. В последнем мы встречаем цветообозначение *golden*, традиционно связанное с идеей богатства.

Роль ключевого слова *money* как концепта подчеркивает и номинативная фраза с предлогом *of*, которую мы видим в восьмой главе: «*She wanted her life shaped now, immediately — and the decision must be made by some force — of love, of money, of unquestionable practicality — that was close at hand*» (Chapter 8). Здесь *money* ставится

в один ряд с таким понятием, как *love*, что в большой степени раскрывает личность героини. Для Дэйзи эти явления оказываются возможной движущей силой жизни — и, учитывая ее решение остаться с мужем, деньги имеют больший вес, чем любовь. Уже то, что эти понятия оказываются рядом, что Дэйзи имеет сомнения по поводу выбора и желает, чтобы высшие силы воздействовали на нее сами по себе, толкнув в нужную сторону, мы понимаем, какой Дэйзи человек на самом деле. Ставя в один ряд любовь и деньги, Дэйзи раскрывает свою натуру, а ключевое слово *money* тем самым служит средством раскрытия образа персонажа. Кроме того, выражаемый ключевым словом концепт получает дополнительную характеристику: *money* воспринимается как некая высшая сила, способная управлять человеческой жизнью и влиять на нее.

Важно еще раз подчеркнуть, что концепт *money*, раскрывающийся в связи с Гэтсби, несколько отличается от концепта *money*, раскрывающегося в связи с Дэйзи. Последний был рассмотрен нами выше: он связывается с мотивом беспечности, безнаказанности, власти, высокомерия, обладания — и в целом является основой жизни Дэйзи, Тома, а также Джордан Бейкер и других людей из их окружения. Их главное отличие от Гэтсби в том, что эти люди изначально родились «в деньгах», так что они всегда могут «вернуться» под их защиту (*retreat back into their money*); для Гэтсби, происходящего из более бедных слоев общества, деньги — не цель, а средство достижения заветной мечты. Он так же беспечен с ними и готов их бездумно тратить, но беспечен потому, что в конечном итоге он стремится не к ним, а к Дэйзи. Таким образом, в романе выделяются две концептуальные сферы, связанные с ключевым словом *money*: «*money* как образ жизни» и «*money* как средство достижения цели». Именно несовместимость этих двух сфер в конечном итоге приводит Тома и Дэйзи к преступлению, а Гэтсби — к гибели.

Итак, ключевое слово *money* в тексте романа «Великий Гэтсби» выполняет сразу несколько функций. Оно играет важную роль в художественной организации произведения, будучи тесно связанным с его глобальным художественным содержанием. В то же время оно раскрывается как концепт с двух сторон: как определенный образ жизни и как средство достижения цели. Тем самым оно способствует раскрытию характеров отдельных персонажей. Кроме того, участвуя в развитии сюжета и истории Гэтсби, оно играет композиционную роль.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: УРСС, 2004. — 608 с.
2. Баранова Л.Л. *The American Dream*. — М.: Макс Пресс, 2006. — 56 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
4. Задорнова В.Я. Слово в художественном тексте // *Язык, сознание, коммуникация*. — 2005. — С. 115–125.
5. Ипполитова Н.Б. Особенности сквозного образа как компонента поэтического идиостиля (к методике анализа лирического произведения) // *Вестник Мордовского университета*. — 2000. — № 1–2. — С. 59–62.
6. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя / Избр. статьи. — Л.: Художественная литература, 1974. — 288 с.
7. Сахарный Л.В., Сибирский С.А., Штерн А.С. Набор ключевых слов как текст // *Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста*. — Пермь, 1984. — С. 81–83.
8. Фонякова О.И. Ключевые слова в художественном тексте // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. — 1985. — Т. 34. — С. 141–145.
9. Leech G. *Language in Literature / Style and foregrounding*. — Routledge: Longman, 2008. — 234 p.
10. Sketch Engine. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 24.10.2024).
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 24.10.2024).
12. Williams R. *Keywords: a Vocabulary of Culture and Society*. — Oxford: University Press, 1985. — 352 p.
13. Wmatrix. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/> (дата обращения: 24.10.2024).

THE KEY WORD «MONEY» IN THE CONCEPTUAL STRUCTURE AND LINGUOPOETIC ORGANIZATION OF F.S. FITZGERALD'S NOVEL «THE GREAT GATSBY»

A.V. Zakharova

Abstract. The article examines the role of key words in the artistic organization of a literary work on the basis of F.S. Fitzgerald's novel "The Great Gatsby". The noun *money* proves to be the key word due to its high frequency in the text, its connection with the global purport of the novel, lexical polyphony and great collocational potential. The key word takes part in the organization of the text and its conceptual structure and serves as a means of characterization. The linguopoetic analysis has been supported by Sketch Engine, a modern computer programme that works with word corpora.

Keywords: linguopoetic analysis, key words, concept, frequency of occurrence, lexical polyphony.

References

1. *Akhmanova O.S.* Slovar lingvisticheskikh terminov [The dictionary of linguistic terms]. — M.: URSS, 2004. — 608 p.
2. *Baranova L.L.* The American Dream. — M: Maks Press, 2006. — 56 p.
3. *Wierzbicka A.* Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through their key words]. — M.: Yazyki slavyanskoi kultury, 2001. — 288 p.
4. *Zadornova V.Ya.* Slovo v khudozhestvennom tekste [Word in a literary text] / Krasnykh V.V., Izotov A.I. (eds.) Yazyk, soznanie, kommunikatsiya, 2005. — P. 115–125.
5. *Ippolitova N.B.* Osobennosti skvoznogo obraza kak komponenta poeticheskogo idiostilya (k metodike analiza liricheskogo proizvedeniya) [Characteristic features of a key image as an element of an individual poetic style (on the methodology of analysing a lyrical poem)] / Vestnik Mordovskogo universiteta. — 2000. — № 1–2. — P. 59–62.
6. *Larin B.A.* Estetika slova i yazyk pisatelya / Izbr. stati [The aesthetics of a word and a writer's lexicon / Selected articles]. — Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1974. — 288 p.

7. *Sakharny L.V., Sibirsky S.A., Shtern A.S.* Nabor klyuchevykh slov kak tekst [A set of the key words as a text] / *Psikhologo-pedagogicheskiye i lingvisticheskiye problemy issledovaniya teksta*. — Perm, 1984. — P. 81–83.
8. *Fonyakova O.I.* Klyuchevye slova v khudozhestvennom tekste [Key words in a literary text] // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. — 1985. — Vol. 34. — P. 141–145.
9. *Leech G.* *Language in Literature / Style and foregrounding*. — Routledge: Longman, 2008. — 234 p.
10. Sketch Engine. [Electronic resource]. — URL: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed: 24.10. 2024).
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. [Electronic resource]. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 24.10.2024).
12. *Williams R.* *Keywords: a Vocabulary of Culture and Society*. — Oxford: University Press, 1985. — 352 p.
13. Wmatrix. [Electronic resource]. — URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/> (accessed: 24.10.2024).

НАУЧНЫЙ ТЕРМИН КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА (на примере англоязычного медиадискурса)

О.В. Корецкая

Аннотация. В статье рассматривается использование научных терминов как метафор в англоязычном медиадискурсе на основе данных из корпусов текстов СОСА и The Coronavirus Corpus. На примере широко распространенных терминов «black hole», «butterfly effect» и «Petri dish» показывается, как происходит трансформация их изначального значения в языке СМИ, какими коннотациями они обладают и в каких контекстах употребляются. Образность научных терминов в медиадискурсе позволяет говорить о них как о концептуальных метафорах, которые отражают различные явления политической, экономической и социальной жизни современного общества.

Ключевые слова: научный термин, концептуальная метафора, метафоризация, медиадискурс, текстовый корпус.

В любом языке существует большое количество метафор, которые пришли в него из совершенно разных областей — науки, техники, экономики, спорта и т.д. Значительную часть таких метафор составляют когнитивные, или концептуальные, метафоры. Американский лингвист Джордж Лакофф в фундаментальном труде «Метафоры, которыми мы живем», написанном в соавторстве с философом и логиком Марком Джонсоном, отмечает, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны [2]. Как следствие, концептуальная метафора становится способом познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира и играет основополагающую роль в языковой когнитии.

В английском языке большое количество концептуальных метафор появились в связи с прогрессом в науке и технике. Это не удивительно, поскольку для описания научных открытий всегда требуются новые термины, которые затем могут переосмысляться и использоваться за пределами академического контекста. При этом в процессе метафоризации терминов значительную роль иг-

рает язык СМИ, который в силу своего жанрового своеобразия преимущественно представляет собой многогранное дискурсивное явление, где все языковые процессы представлены в динамике и отражают современную картину мира [1].

Рассмотрим, какое значение в англоязычном медиадискурсе получили такие распространенные научные термины, как *black hole* — «черная дыра», *butterfly effect* — «эффект бабочки» и *Petri dish* — «чашка Петри». Все эти термины можно отнести к концептуальным метафорам, поскольку с течением времени они приобрели глобальный смысл, характеризуя явления политической, экономической и социальной жизни. Так, черная дыра ассоциируется с безнадежной пустотой и финансовым крахом, эффект бабочки — с непредсказуемым развитием событий, а чашка Петри — с рассадником вирусов, болезней, преступности. И если термин *Petri dish*, в прямом смысле означающий лабораторный сосуд, приобретает метафорический смысл в медиадискурсе, то *black hole* и *butterfly effect* — это термины-метафоры, в которых образность была заложена уже на начальном этапе их формирования.

В качестве источника материала были использованы два корпуса текстов. Первый — корпус современного американского английского *COCA* (*Corpus of Contemporary American English*), фиксирующий динамику словоупотребления с 1990 по 2019 г. в большом количестве стилистически разнообразных текстов [6]. Второй — новейший корпус *The Coronavirus Corpus*, демонстрирующий изменение частоты и контекста использования слов и коллокаций в медиадискурсе с января 2020 г. [11]

Обратимся кратко к истории возникновения относящегося к астрофизике термина *black hole*. Впервые он появился в англоязычных печатных СМИ на страницах журналов *Life* и *Science News* в 1963 г. Позже, начиная с 1967 г., его стал активно использовать американский физик-теоретик Джон Уилер, в результате чего некоторые считают, что именно он придумал данный термин наряду с другими терминами, как, например, *quantum foam* — «квантовая пена», *neutron moderator* — «замедление нейтронов» и *wormhole* — «кратовая нора» [3]. Однако еще в начале 1960 г. американский физик Роберт Дикке предположительно сравнил процесс гравитационного схлопывания с так называемой калькуттской «черной дырой» (*the Black Hole of Calcutta*) [10]. Изначально это было название крошечной тюремной камеры в калькутском форте «Уильям», где во время Ост-Индской компании в ночь на 20 июня 1756 г. многие плененные навабом Бенгалии британские солдаты погибли

от удущья [7]. Так что с самого начала своего появления в языке словосочетание *black hole* представляло метафору с ярко выраженными отрицательными коннотациями, означающую нечто, где что-то исчезает бесследно. Вполне логично поэтому, что выражение прекрасно подошло в качестве описательного термина для космического объекта, из которого не может вырваться даже свет.

Во всех толковых словарях английского языка представлено не только прямое, но и переносное значение словосочетания *black hole*, что свидетельствует о его широкой распространенности как метафоры. Так, в словаре *Macmillan English Dictionary* выражение *black hole* относится к разговорному стилю и имеет два переносных значения [8]. Первое из них связано с экономикой и означает ситуацию, когда тратятся крупные денежные суммы без какой-либо прибыли: *The business was little more than a financial black hole*. Второе значение характеризует безнадежное положение: *the psychological black hole of long-term unemployment*. Все эти значения активно реализуются в медиадискурсе, что показывают приведенные ниже примеры из корпусов COCA и *The Coronavirus Corpus*.

Примеры из COCA:

«When the USSR ceased to exist, sport lived on what was left out of the Soviet system. And then there was a kind of ‘black hole’» (*Christian Science Monitor*).

«The U.S. military is keenly interested in the former captives’ whereabouts and is trying to track down any who have returned to the Taliban in Afghanistan — and wants to identify those participating in the reconciliation process so they won’t be targeted. ‘It’s all a black hole’, one U.S. official said, speaking on the condition of anonymity because of the sensitivity of the issue» (*The Washington Post*).

«In these tough economic times, people don’t want to throw their money into a black hole and not know where it goes» (*Atlanta Journal-Constitution*).

Примеры из *The Coronavirus Corpus*:

«We’re now entering a black hole of information where even light can’t escape. It’s as dark as dark can be. Unless you’re hiring the hot-wired lobbyists, it’s hard to find out what’s going on» (*The Wall Street Journal*).

«St Andrew’s University is facing its most serious crisis in modern times after principal Sally Mapstone announced a £25 million black hole in its finances and warned further losses are likely» (*The Courier*).

«‘As soon as the arrest is made, the case *enters a black hole* and lawyers are struggling to get more information,’ said Maneka Khanna, a lawyer, who is handling cases for some of those arrested during the lockdown» (*Al Jazeera News*).

На основе данных примеров можно сделать вывод, что метафора *black hole* широко используется в политическом и экономическом контекстах и придает содержанию отрицательные коннотации. Последнее подтверждается сравнением черной дыры с вратами ада, где заканчивается пространство и время: «The gates of hell, the end of space and time» [12].

Следующий термин-метафора *butterfly effect* возник в 1960-х гг. в ходе изучения теории хаоса американским математиком и метеорологом Эдвардом Лоренцом, который предположил, что взмах крыльев бабочки в одной части света может кардинально изменить погодные условия в другой части света. В словаре *Cambridge Dictionary* такой эффект определяется следующим образом: *a situation in which an action or change that does not seem important has a very large effect, especially in other places or around the world* [4]. Интересно, что сам Лоренц приводил в пример другого метеоролога, который до него говорил о взмахе крыла чайки, но, следуя советам коллег и друзей, в своих работах Лоренц заменил чайку на бабочку ради поэтизации данного эффекта [5]. При этом бабочка, которая может изменить мир, упоминалась еще до Лоренца: в рассказе 1952 г. Рея Брэдбери «И грянул гром» случайная гибель бабочки в прошлом меняет будущее. Так, в силу своего маркированного характера термин *butterfly effect* превратился в метафору, что наглядно иллюстрируется в *Cambridge Dictionary* следующим примером из области экономики: *And so we had the butterfly effect that was US households defaulting on their loans quickly causing chaos around the world* [4].

Благодаря своей образности метафора *butterfly effect* получила широкое распространение во всех сферах английского языка. Ее можно увидеть в названиях фильмов, теле- и радиопрограмм, новостей, общественных мероприятий и т.п. Естественно, она встречается и в медиадискурсе, что отражено в текстовых корпусах.

Примеры из *COCA*:

«The great depression was caused by a *butterfly effect* of the same overexpansion and bank runs» (*EconStories.tv*).

«Doctors can predict the course of disease, not because they're gifted with prescience but because of statistical data. The information is all

there. We just have to figure out what it all means. Unfortunately, in many cases, *the 'butterfly effect' is in play* and full understanding is not possible» (*The Spokesman Review*).

Примеры из *The Coronavirus Corpus*:

«This sweet bit of news couldn't have come at a better time in this current climate, but it was set up as a response to the grim truth about Britain's dwindling bee population, which threatens to *spark a butterfly effect* for the rest of the country's agriculture scene» (*PrestigeOnline.com*).

«*The butterfly effect* comes to mind as we struggle to deal with the coronavirus crisis» (*Newsday*).

Несмотря на то что в приведенных примерах выражение *butterfly effect* сохраняет изначальное значение научного термина, его метафоричность обусловлена контекстом. Во всех случаях речь идет о некоем явлении, которое вызывает непредсказуемые последствия для экономики, политики или общества.

Рассмотрим последний термин *Petri dish*. Чашка Петри, представляющая собой прозрачный лабораторный сосуд, применяющийся в микробиологии для культивирования колоний микроорганизмов, была изобретена еще в 1877 г. и названа в честь ее изобретателя — немецкого бактериолога Юлиуса Рихарда Петри. Примечательно, что в массовой культуре термин может использоваться как метафора для описания некоторой среды или сообщества, где процветают оригинальные идеи и проекты. Так, в словаре *Merriam-Webster* приводится следующий пример: *The college was a petri dish for radical views* [9]. Следует отметить, что в данном случае, выступая в роли метафоры, словосочетание *Petri dish* перестает быть научным термином, поэтому имя собственное *Petri* пишется со строчной буквы. Не менее интересным является и то, что в поп-культуре для чашки Петри даже существует свой эмодзи, что также позволяет говорить об этом термине как о концептуальной метафоре.

Как и два предыдущих термина *black hole* и *butterfly effect*, термин *Petri dish* получил распространение в медиадискурсе.

Примеры из *COCA*:

«As if injuries and the opposition were not enough to worry about, the Olympic environment is a large *petri dish full of opportunity and danger*» (*The New York Times*).

«David Callahan, author of the new book 'Cheating Culture,' published by Harcourt, suggests that societal changes and the pursuit of

material goods have created *the ultimate petri dish for growing dishonesty*» (*Denver Post*).

«The Bay Area is still a liberal stronghold, *a petri dish for the leftist culture*» (*San Francisco Chronicle*).

Примеры из *The Coronavirus Corpus*:

«Rapid urbanisation that forces animals and humans into closer proximity (as in the “wet market” in Wuhan) *creates a perfect petri dish* from where such zoonotic outbreaks can originate» (*ORF*).

«Gaetz wore a gas mask to the House vote last week on the emergency funding bill for the virus response and said he wanted to highlight how Congress could become ‘*petri dish*’ for the virus» (*The Portland Press Herald*).

«On Feb. 3 what has since become known as *the world’s biggest floating Petri dish*, the cruise ship Diamond Princess, arrived in the Japanese port of Yokohama with 3,700 people on board, many already infected by the virus» (*The Daily Beast*).

Во всех контекстах метафора *Petri dish* обладает отрицательными коннотациями, образуя одно семантическое поле с такими словами и словосочетаниями, как *danger, dishonesty, leftist culture, zoonotic outbreaks, virus*. Это свидетельствует о высокой степени маркированности данной метафоры и росте частотности ее употребления в связи с пандемией коронавируса.

Таким образом, на примере трех научных терминов *black hole, butterfly effect* и *Petri dish* показывается, что они активно реализуются в языке СМИ как концептуальные метафоры и несут определенный посыл для читателя, слушателя или зрителя. Изучение подобных лингвистических явлений на примере медиадискурса позволяет более детально проследить динамику развития языковых единиц и трансформацию их значения в течение конкретного периода времени.

Список литературы

1. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. [Электронный ресурс]. — URL: <http://evartist.narod.ru/text12/07.htm> (дата обращения: 14.06.2020).
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: ЛКИ, 2017. — 256 с.

3. *Blum Alexander*. From Wood Chuck Holes to Worm Holes — A Look into the Notebooks of John A. Wheeler // *Annalen der Physik*. — 2022. — Vol. 534. — Is. 8. [Электронный ресурс]. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/andp.202200244> (дата обращения: 10.01.2025)
4. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/butterfly-effect> (дата обращения: 14.06.2020).
5. *Chandler Nathan*. What Is the Butterfly Effect and How Do We Misunderstand It? // *How Stuff Works*. [Электронный ресурс]. — URL: <https://science.howstuffworks.com/nature/climate-weather/storms/meteorology.htm> (дата обращения: 10.01.2025).
6. Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (дата обращения: 14.06.2020).
7. *Johnson Ben*. The Black Hole of Calcutta [Электронный ресурс] // *Historic UK*. — URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofBritain/The-Black-Hole-of-Calcutta> (дата обращения: 14.06.2020).
8. Macmillan English Dictionary. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/black-hole> (дата обращения: 14.06.2020).
9. Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/petri%20dish> (дата обращения: 14.06.2020).
10. Siegfried, Tom. 50 Years Later, It's Hard to Say Who Named Black Holes // *Science News*. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sciencenews.org/blog/context/50-years-later-its-hard-say-who-named-black-holes> (дата обращения: 10.01.2025).
11. The Coronavirus Corpus. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.english-corpora.org/corona> (дата обращения: 14.06.2020).
12. World's Scientists Speak out on EHT's Black Hole Picture // *The Daily Galaxy*. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dailygalaxy.com/2019/04/the-gates-of-hell-the-end-of-spacetime-worlds-scientists-speak-out-on-ehs-epic-black-hole-picture> (дата обращения: 14.06.2020).

SCIENTIFIC TERMS AS CONCEPTUAL METAPHORS IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

O.V. Koretskaya

Abstract. The paper focuses on the use of scientific terms as metaphors in English media discourse. The examples are taken from two text corpora COCA and The Coronavirus Corpus. The examples of such widespread terms as black hole, butterfly effect and Petri dish show how their original meaning is transformed in the media, which connotations they have and in which contexts they appear. Due to their figurative character in media discourse, scientific terms can be treated as conceptual metaphors reflecting various political, economic, and social phenomena of modern life.

Keywords: scientific term, conceptual metaphor, metaphorization, media discourse, text corpus.

References

1. *Aleksandrova O.V.* Yazyk sredstv massovoy informatsii kak chast kolektivnogo prostranstva obshchestva // Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: uchebnoye posobiye [The language of the media as part of the collective space of society // The language of the media as an object of interdisciplinary research: a textbook]. [Electronic resource]. — URL: <http://evartist.narod.ru/text12/07.htm> (accessed: 14.06.2020).
2. *Lakoff G., Johnson M.* Metafor, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. — M.: LKI, 2017. — 256 p.
3. *Blum Alexander.* From Wood Chuck Holes to Worm Holes — A Look into the Notebooks of John A. Wheeler // *Annalen der Physik*. — 2022. — Vol. 534. — Is. 8. [Electronic resource]. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/andp.202200244> (accessed: 10.01.2025).
4. Cambridge Dictionary. [Electronic resource]. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/butterfly-effect> (accessed: 14.06.2020).
5. *Chandler Nathan.* What Is the Butterfly Effect and How Do We Misunderstand It? // *How Stuff Works*. [Electronic resource]. — URL: <https://science.howstuffworks.com/nature/climate-weather/storms/meteorology.htm> (accessed: 10.01.2025).
6. Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. — URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (accessed: 14.06.2020).

7. *Johnson Ben*. The Black Hole of Calcutta. [Electronic resource] // Historic UK. — URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofBritain/The-Black-Hole-of-Calcutta> (accessed: 14.06.2020).
8. Macmillan English Dictionary. [Electronic resource]. — URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/black-hole> (accessed: 14.06.2020).
9. Merriam-Webster Dictionary. [Electronic resource]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/petri%20dish> (accessed: 14.06.2020).
10. Siegfried, Tom. 50 Years Later, It's Hard to Say Who Named Black Holes // Science News. [Electronic resource]. — URL: <https://www.sciencenews.org/blog/context/50-years-later-its-hard-say-who-named-black-holes> (accessed: 10.01.2025).
11. The Coronavirus Corpus. [Electronic resource]. — URL: <https://www.english-corpora.org/corona> (accessed: 14.06.2020).
12. World's Scientists Speak Out On EHT's Black Hole Picture // The Daily Galaxy. [Electronic resource]. — URL: <https://dailygalaxy.com/2019/04/the-gates-of-hell-the-end-of-spacetime-worlds-scientists-speak-out-on-ehs-epic-black-hole-picture> (accessed: 14.06.2020).

КОТ ШРЁДИНГЕРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

О.В. Корецкая

Аннотация. В статье рассматривается процесс популяризации научной метафоры «кот Шрёдингера» (*Schrödinger's cat*) в современной англоязычной культуре. Показывается, что она характеризуется высокой частотностью употребления в интернет-мемах, а также становится предметом построенного на игре слов английского юмора. В медиадискурсе метафора «кот Шрёдингера» превращается в отдельный концепт, отражающий любого рода парадокс в политическом, экономическом или социальном плане. О популярности метафоры говорит дальнейшее обыгрывание ее изначального значения. Наибольшую известность получила новая коллокация «иммигрант Шрёдингера» (*Schrödinger's immigrant*), включенная в онлайн-словарь слов и фраз англоязычного сленга *Urban Dictionary*. Широкое использование метафоры «кот Шрёдингера» в различных видах дискурса позволяет сделать вывод, что она прочно вошла в словарный состав английского языка и продолжает трансформироваться, порождая новые концепты.

Ключевые слова: метафора, медиадискурс, язык СМИ, игра слов, интернет-мем, лингвистический юмор.

Одним из универсальных явлений в любом языке и его культуре является метафора. Английский язык каждый день пополняется новыми словами и выражениями из разных сфер жизни, многие из которых приобретают метафорический характер благодаря их популяризации СМИ, которые прибегают к всевозможным лексическим приемам, чтобы создать определенную языковую картину и заинтриговать массовую аудиторию [3].

Многие метафоры, характеризующиеся высокой частотностью употребления, заимствованы из научной среды, где нередко понятные и простые образы отражают сложные процессы, облегчая их восприятие. При этом некоторые из них становятся концептуальными метафорами и служат для категоризации окружающей действительности [1]. Например, термин-метафора из космологии

black hole («черная дыра») в концептуальном плане отражает неизведанность, обреченность, тайну. Другой термин-метафора из теории хаоса *butterfly effect* («эффект бабочки») означает непредсказуемый результат в будущем. Отмечается, что особой образностью в науке отличается язык математики, где для обозначения сложных конструкций используются обычные слова [5]. Например, в теории вероятности появился связанный с распределением образ хвоста: он может быть тяжелым (*heavy-tailed distribution*), толстым (*fat-tailed distribution*) или длинным (*long-tailed distribution*).

Безусловно, не все научные метафоры стремительно проникают в медиадискурс. Однако наиболее запоминающиеся из них, которые обычно сопровождаются либо наглядными рисунками, диаграммами или схемами, либо занимательной историей возникновения, в языке СМИ начинают переосмысляться, обыгрываться и приобретать новые оттенки значения, что представляет значительный интерес для языковых исследований.

Один из ярких примеров такого «лингвистического успеха» — метафора из области квантовой физики «кот Шрёдингера» (*Schrödinger's Cat*), ставшая своего рода символом современной англоязычной массовой культуры в ее различных проявлениях. Кота Шрёдингера можно встретить в литературе, кино, музыке, видеоиграх. Так, трилогия «*Schrödinger's Cat*» («Кот Шрёдингера») — политический роман-памфлет американского писателя Роберта Антона Уилсона; «*In Search of Schrödinger's Cat*» («В поисках кота Шрёдингера») — научно-популярная книга, написанная британским физиком-космологом Джоном Гриббином; «*The Big Bang Theory*» («Теория большого взрыва») — культовый американский комедийный сериал, популяризирующий многие научные явления, где кот Шрёдингера неоднократно упоминается в ряде эпизодов.

Обратимся к истории создания метафоры «кот Шрёдингера», так как она играет важную роль в понимании ее значимости как в науке, так и за ее пределами. Кот Шрёдингера появился в ходе мысленного эксперимента, сформулированного в 1935 г. известным австрийским физиком Эрвином Шрёдингером. Чтобы подвергнуть сомнению истинность квантовой механики, он предложил поместить кота в стальной сейф вместе с устройством, открывающим емкость с синильной кислотой в случае распада радиоактивного атома. Это событие может произойти в любой произвольный момент времени, а кот в ящике отравится и погибнет, однако ученые не узнают об этом, не открыв ящик. Вот почему с точки зрения квантовой физики возникает смешение, или супер-

позиция, состояний, когда кот одновременно и живой, и мертвый. Как следствие, метафора «кот Шрёдингера» выражает несовместимые вещи, заключая в себе парадокс, что и привлекло внимание СМИ и всего интернет-сообщества. В результате эта метафора быстро превратилась в концептуальную, отражая некую раздвоенность, двусмысленность, амбивалентность.

Рассматривая популярность образа кота Шрёдингера в англоязычной массовой культуре, в первую очередь необходимо отметить интернет-мемы как современную форму медиадискурса, где происходит развитие визуальных средств для взаимодействия с широкой аудиторией [2]. Изобилие мемов с котом Шрёдингера символизирует парадокс, когда одновременно сочетаются взаимоисключающие состояния, действия и т.п. Всевозможные изображения котов сопровождаются следующими юмористическими комментариями: «*I don't always die. But when I do, I don't*», «*We demand freedom for Schrödinger's Cat*», «*To be or not to be (Shakespeare's Cat)*. *Both (Schrödinger's Cat)*».

При этом для полноценного понимания мемов требуются определенные фоновые знания. Например, в последнем случае, где противопоставляются два типа котов, «кот Шекспира» и «кот Шрёдингера», необходимо знать знаменитый монолог Гамлета «*To be, or not to be*» в пьесе Уильяма Шекспира. Актуализация глагола в ключевой строке монолога *to be or not to be* («быть или не быть») напрямую связывается в меме с вопросом «бытия» или «небытия» кота в коробке.

Популяризация метафоры «кот Шрёдингера» также произошла благодаря большому числу анекдотов. Наиболее показательными в языковом плане являются те, которые основаны на игре слов. Ниже рассмотрим три таких примера.

1. *I asked a librarian if she had a book about Pavlov's Dog and Schrödinger's Cat. She said it rang a bell but wasn't sure if it was there or not.*

В этом анекдоте обыгрывается идиома *to ring a bell* — «припоминать, быть знакомым». Однако если речь идет о собаке Павлова, то происходит дефразеологизация и выражение *to ring a bell* в прямом смысле переводится как «звонить в колокольчик». Соответственно, реплику библиотекаря можно интерпретировать по-разному: и то, что она припоминает, что такая книга где-то есть, и то, что собака Павлова реагирует на звенящий колокольчик. Кроме того, последняя фраза *wasn't sure if it was there or not* содержит двусмыслен-

ность, отсылающую нас непосредственно к парадоксу, связанному с котом Шрёдингера.

2. *How do you find out if the cat is dead or alive in the Schrödinger's cat paradox? By thinking outside the box.*

Здесь также наблюдается дефразеологизация идиомы *to think outside the box* («мыслить нестандартно, творчески»). С одной стороны, ответ на заданный вопрос заключается в том, чтобы найти объяснение парадоксу Шрёдингера, используя нестандартное мышление. С другой стороны, в этом контексте фраза понимается дословно, т.е. «мыслить за пределами коробки», куда поместили кота, а ответ можно найти только после того, как из нее выбраться.

3. *I saw a sign today about lost cat. Missing cat: Wanted dead and alive. If found return to Schrödinger.*

В этом случае обыгрывается устойчивое выражение *wanted dead or alive* («разыскивается живым или мертвым»). Но вместо союза *or* намеренно употреблен союз *and*, что приводит к оксюмору, поскольку пропавшего кота предлагают вернуть его «хозяину» Шрёдингеру живым и мертвым одновременно.

Что касается СМИ, метафора «кот Шрёдингера» нередко используется в отношении политических событий. Ниже проанализируем несколько примеров из различных англоязычных интернет-изданий.

В статье «Are Hillary Clinton and Joe Biden both bitten by 'Schrödinger's cat'?» международного новостного издания *The Christian Science Monitor* речь идет о связи данной метафоры с парадоксальной ситуацией в политике. Из комического заголовка также следует, что кот Шрёдингера — это некое реальное существо, которое может кусаться. Кроме того, происходит расширение метафоры: вице-президент США Джо Байден проводит «кампанию кота Шрёдингера», поскольку он, с одной стороны, еще частично участвует в борьбе за пост президента на выборах 2016, а с другой — уже вышел из нее («Biden is left running a Schrödinger's cat campaign, neither wholly in the race or wholly out of it») [10].

Издание *The London School of Economics and Political Science* публикует статью «Schrödinger's cat and the paradox of Brexit», в которой процедура выхода Великобритании из Европейского союза сравнивается с экспериментом Шрёдингера, а сама метафора переосмысливается: Брексит — это кот, а соглашение о выходе Великобритании — это коробка, куда его поместили («Brexit is the cat and the box is the Withdrawal Agreement agreed on Saturday by the EU and the

UK»). О переосмыслении метафоры, а также ее трансформации говорит заголовок статьи «Schrödinger's Coup», посвященной так называемому перевороту Шрёдингера [4]. Рассуждая о неопределенности как о неотъемлемой части политического поведения, автор предлагает называть «переворотом Шрёдингера» те события, прежде всего происходящие в ряде африканских стран, когда довольно сложно получить объективные данные и дать точный ответ на вопрос, действительно ли в стране произошел военный переворот, если о нем не было официально заявлено («Can one call it a coup when the military haven't declared they've taken over government?»).

Подобную языковую игру в медиадискурсе, где происходит замена лексических элементов оригинальной метафоры, можно увидеть и в статье под названием «Poland's Schrödinger's election» [8]. В ней обсуждается неясность, связанная с президентскими выборами в Польше в мае 2020 г., когда из-за пандемии коронавируса за три дня до выборов поляки все еще не знали, когда и как они будут выбирать президента («Is it an election if no one votes?»).

Как следует из вышеприведенных примеров, метафора «кот Шрёдингера» появляется в новостных заголовках как средство привлечения внимания к неопределенности в действиях отдельных политиков или целого правительства. В каждом случае здесь прослеживается ироническое отношение авторов к происходящим событиям, а само выражение получает отрицательные коннотации. Более того, обыгрывание значения исходной метафоры действительно свидетельствует о ее широком распространении и популярности в медийных текстах.

В результате игры слов возникают новые концепты. Так, в словаре современного английского сленга *Urban Dictionary*, где фиксируются все неологизмы, в 2017 г. добавляется коллокация *Schrödinger's immigrant* [11]. «Иммигрант Шрёдингера» — это некоренной житель США, который может занять рабочее место коренного американца, в итоге оставив его безработным, но при этом одновременно ничего не делает и только пользуется государственными льготами и пособиями, живя на средства налогоплательщиков. С этой точки зрения «иммигрант Шрёдингера» — отдельный концепт, отражающий множество смежных понятий, таких как, например, национальная идентичность, социальное равенство и т.п. Неудивительно поэтому, что метафора «иммигрант Шрёдингера» в медиадискурсе стала описанием иммигрантов в разных странах, не только в США. Например, британская партия

UKIP, некогда активно выступавшая за брексит, именно так назвала неработающих в Британии иммигрантов из Евросоюза, живущих на пособия: «UKIP warns of Schrödinger's immigrant who 'lazes around on benefits whilst simultaneously stealing your job'» [7]. Более того, метафора перешла и в академический контекст. В журнале *Journal of Experimental and Social Psychology* опубликована статья, в которой рассматривается двоякое отношение государства и общества к так называемым иммигрантам Шрёдингера: «Schrodinger's immigrant: The political and strategic use of (contradictory) stereotypical traits about immigrants» [9].

Таким образом, метафора «кот Шрёдингера» — действительно распространенное явление в современном английском языке и массовой культуре. Благодаря своей известной истории возникновения и связанному с ней парадоксу она вышла за рамки изначально научной сферы употребления и сейчас преимущественно встречается в медийных текстах и художественной литературе, а также стала предметом лингвистического юмора и интернет-мемов. Все это позволяет сделать вывод, что такая популяризация научных выражений — один из видов языковой эволюции, в результате которой ранее существующие слова и словосочетания могут приобретать не только различные оттенки значений, но и формировать новые идиомы и концепты.

Список литературы

1. Боброва Е.А. Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути // *Baikal Research Journal*. — 2013. — № 3. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metaphora-kak-sredstvo-kategorizatsii-okruzhayuschey-deystvitelnosti-na-primere-metaphory-dvizheniya-po-puti> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Канашина С.В. Интернет-мем как современный медиадискурс // *Известия ВГПУ*. — 2018. — № 8 (131). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-sovremennyy-mediadiskurs> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Окунева И.О. Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой) // *Политическая лингвистика*. — 2010. — № 4. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-rol-metaphory-v-pechatnyh-smi-rossii-velikobritanii-ssha-i-kanady-na>

- materiale-gazetnyh-statey-posvyaschennyh-probleme (дата обращения: 10.01.2022).
4. Dart-Throwing Chimp. [Электронный ресурс]. — URL: dartthrowing-chimp.wordpress.com/2015/01/07/schrodingers-coup/amp (дата обращения: 10.01.2022).
 5. Expert.ru. [Электронный ресурс]. — URL: https://expert.ru/russian_reporter/2012/18/10-glavnyih-metafor-nauki (дата обращения: 10.01.2022).
 6. LSE Brexit. [Электронный ресурс]. — URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2018/12/06/schrodingers-cat-and-the-paradox-of-brexit> (дата обращения: 10.01.2022).
 7. NewsThump. [Электронный ресурс]. — URL: <https://newsthump.com/2014/11/28/ukip-warns-of-schrodingers-immigrant-who-lazes-around-on-benefits-while-simultaneously-stealing-your-job> (дата обращения: 10.01.2022).
 8. Politico. [Электронный ресурс]. — URL: <https://politico.eu/article/poland-polish-schrodinger-presidential-election-pis-law-and-justice-andrzej-duda-jaroslaw-kaczynski/amp> (дата обращения: 10.01.2022).
 9. Science Direct. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103117302238> (дата обращения: 10.01.2022).
 10. The Christian Science Monitor. [Электронный ресурс]. — URL: <https://csmonitor.com/layout/set/amphtml/USA/Politics/Politics-Voices/2015/0902/Are-Hillary-Clinton-and-Joe-Biden-both-bitten-by-Schrodinger-s-cat> (дата обращения: 10.01.2022).
 11. Urban Dictionary. [Электронный ресурс]. — URL: <https://urbandictionary.com/define.php?term=Schr%25C3%25B6dinger's%2bImmigrant&mp=true> (дата обращения: 10.01.2022).

SCHRÖDINGER'S CAT AS A LINGUISTIC PHENOMENON IN MODERN ENGLISH-SPEAKING CULTURE

O.V. Koretskaya

Abstract. The paper describes how the scientific metaphor *Schrödinger's cat* is being popularised in modern English speaking culture. It is shown that this expression is frequently used in Internet memes and also becomes the

subject of English humor based on a play upon words. In media discourse, the metaphor *Schrödinger's cat* is a concept, reflecting any kind of paradox in political, economic or social life. The popularity of the metaphor manifests itself in further linguistic changes in its original meaning. The most famous neologism is *Schrödinger's immigrant*, already included in *Urban Dictionary*, an online dictionary of English slang. Due to its widespread use in different types of discourse, the metaphor *Schrödinger's cat* has now become part of English vocabulary and continues to transform, giving rise to new concepts.

Keywords: metaphor, media discourse, media language, play upon words, Internet meme, linguistic humour.

References

1. Bobrova E.A. Kontseptualnaya metafora kak sredstvo kategorizatsii-okruzhayushey deystvitelnosti na primere metafory dvizheniya po puti [Metaphorical Concept as way of categorising the outside world by the example of the metaphor of travel] // Baikal Research Journal. — 2013. — № 3. [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metafora-kak-sredstvo-kategorizatsii-okruzhayushey-deystvitelnosti-na-primere-metafory-dvizheniya-po-puti> (accessed: 10.01.2022).
2. Kanashina S.V. Internet-mem kak sovremennyy mediadiskurs [Internet meme as a modern media discourse] // Izvestiya VGPU. — 2018. — № 8 (131). [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-sovremennyy-mediadiskurs> (accessed: 10.01.2022).
3. Okuneva I.O. Vidy I rol metafory v pechatnyh smi rossii, velikobritanii, ssha i kanady (na materiale gazetnyh statej, posvjashhennyh probleme vzaimootnoshenij mezhdru gosudarstvom, obshhestvom i pressoj) [Types and the role of metaphor in the press of Russia, Great Britain, the USA and Canada (based on the newspaper articles on the issues of the state, society and the press relations)] // Politicheskaja lingvistika. — 2010. — № 4. [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-rol-metafory-v-pechatnyh-smi-rossii-velikobritanii-ssha-i-kanady-na-materiale-gazetnyh-statej-posvyaschennyh-probleme> (accessed: 10.01.2022).
4. Dart-Throwing Chimp. [Electronic resource]. — URL: dartthrowingchimp.wordpress.com/2015/01/07/schrodingers-coup/amp (accessed: 10.01.2022).
5. Expert.ru. [Electronic resource]. — URL: https://expert.ru/russian_reporter/2012/18/10-glavnyih-metafor-nauki (accessed: 10.01.2022).

6. LSE Brexit. [Electronic resource]. — URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2018/12/06/schrodingers-cat-and-the-paradox-of-brexit> (accessed: 10.01.2022).
7. NewsThump. [Electronic resource]. — URL: <https://newsthump.com/2014/11/28/ukip-warns-of-schrodingers-immigrant-who-lazes-around-on-benefits-whilst-simultaneously-stealing-your-job> (accessed: 10.01.2022).
8. Politico. [Electronic resource]. — URL: <https://politico.eu/article/poland-polish-schrodinger-presidential-election-pis-law-and-justice-andrzej-duda-jaroslav-kaczynski/amp> (accessed: 10.01.2022).
9. Science Direct. [Electronic resource]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103117302238> (accessed: 10.01.2022).
10. The Christian Science Monitor. [Electronic resource]. — URL: <https://csmonitor.com/layout/set/amphtml/USA/Politics/Politics-Voices/2015/0902/Are-Hillary-Clinton-and-Joe-Biden-both-bitten-by-Schrodinger-s-cat> (accessed: 10.01.2022).
11. Urban Dictionary. [Electronic resource]. — URL: <https://urbandictionary.com/define.php%3fterm=Schr%25C3%25B6dinger's%2bImmigrant&=true> (accessed: 10.01.2022).

АКТУАЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА СТИЛИСТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ В «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗАХ» ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М.В. Оберюхтина

Аннотация. В данной статье рассматриваются случаи стилистического варьирования лексики в знаковом произведении средневекового английского поэта и переводчика Дж. Чосера. Делаются предварительные выводы о том, как можно использовать исследование данного феномена для преподавания английского языка.

Ключевые слова: стилистический, варьирование, сочетаемость, словарный состав языка, лексика.

«Кентерберийские рассказы» — знаковое произведение как для творчества Дж. Чосера, так и для всей эпохи Высокого Средневековья, наряду с «Божественной комедией» Данте. Авторы, творившие в данный исторический период, традиционно считаются апологетами развития народных языков. В эпоху позднего Средневековья в Англии латинский и французский (если быть точнее, англо-французский) языки как языки культуры постепенно уступают место английскому языку; то же, соответственно, происходит с латынью и народными языками в странах континентальной Европы. Здесь уместно вспомнить высказывание исследователя средневековой английской литературы Д.Г. Миллера: «Исчезающие языки часто характеризуются широким взаимодействием с доминирующим языком... Заимствования порождают неологизмы...», потому что именно этот процесс наблюдается в своеобразно возрождающемся английском языке [3]. В то же время очень важны языковые эксперименты выдающихся писателей с ассимилированными французскими словами. В Англии в первую очередь такие эксперименты осуществляются в переводных и оригинальных произведениях Дж. Чосера. Благодаря этим двум важным тенденциям позднего Средневековья — развитию народных языков и творче-

ским экспериментам выдающихся писателей и поэтов — создается совершенно новый лексический фонд народных языков, в нашем случае — английского языка.

Использование огромного пласта заимствованной французской и латинской лексики способствует стилистической дифференциации лексики английского языка в целом; язык самого знаменитого творения Дж. Чосера, «Кентерберийских рассказов», показателен в том смысле, что ему присуща примерно та же стилистическая варьированность словарного состава, особенности которой сохраняются и в наше время, — в них ярко выражена контекстуальность употребления французских заимствований. В частности, для «высокого», официально-делового стиля характерно употребление заимствований из французского и латинского языков.

Примечательно, что именно в «Рассказе Пристава церковного суда», который будет исследоваться в данной работе, нет прямых отсылок к французской литературе соответствующего периода. Однако частотность употребления французских заимствований очень высока: почти одно слово на строку. Таким образом, употребление французских слов и их сгущения в тексте не являются простым следованием переводчика за оригиналом; автор экспериментирует с синтактикой и прагматикой ассимилированных в английском языке заимствований, а также французских и латинских фраз. О том, какие цели могут крыться за практикой экспериментов с заимствованиями, говорят многие исследователи. Например, Д.Г. Миллер утверждает следующее: «Авторы используют заимствования по многим причинам... причинами... могут стать требования к тексту: он должен быть насыщен риторически, интеллектуально, должен... утверждать главенствующее положение производящего текст в обществе» [3]. Пример подобного употребления заимствованных лексических единиц, возможно, находим в одной из строк рассматриваемого «Рассказа...»:

Excited he the peple in his prechyng
(«своей молитвой призывал людей»).

Эта строка из речи автора содержит одновременно три заимствованные лексические единицы (т.е. ими являются все полнозначные слова в строке), в то время как в предыдущих семи строках встречается по одному-два заимствования. Можно трактовать это как в известном смысле «несобственно прямую речь», принадлежащую, по замыслу автора, Монаху. Таким образом, показывается главенствующее положение монаха и церковников вообще

по отношению к *reple* — пастве, приходу. Подобную функцию выполняют и заимствования в строке *Ther as divine servyce is honoured* уже в прямой речи Монаха. Далее другие исследователи утверждают, что причина употребления заимствований и целых фраз из другого языка в рамках ситуационного варьирования, «переключения кодов», следующая: «Причиной переключения кодов является изменение в сознании говорящего отношения к какой-то общественной ситуации / положению или его определения» [4]. Вот так Чосер описывает гнев Монаха, оскорбленного прихожанином, вкрапляя в две строки его прямой речи пять заимствованных слов (и это снова все полнозначные слова в двух названных строках): «*This false blasphemour that charged me* («Лживый оскорбитель, который обязал меня») / *To parte that wol nat departed be* («Разделить то, что не может быть разделено»).

Таким образом, на основании полученных данных можно предполагать, что Чосер творчески оперирует французскими заимствованиями с целью создания необходимой тональности, стилистики текста, речевой характеристики персонажей в определенных отрывках «Рассказа...», способствуя тем самым естественной стилистической дифференциации языка.

Изучение языкового варьирования в преподавании английского языка и акцентирование внимания на его стилистическом аспекте для студентов языковых специальностей имеют смысл как минимум в двух случаях. Во-первых, при изучении профессиональной терминологии и при переводе на английский язык необходимо использовать те варианты перевода специальной лексики и лексики общего словаря, которые являются адекватными с точки зрения лексической и грамматической сочетаемости единиц словарного состава английского языка. Исследования коллокаций и коллигаций английского языка в работах, например, О.В. Александровой и С.Г. Тер-Минасовой [1, 2] показывают, что этимология слова часто влияет на морфосинтаксическую или лексико-семантическую сочетаемость той или иной лексической единицы. Таким образом, в процессе изучения английского языка она может обуславливать и определять выбор учащимися адекватного сочетания слов в речи. При этом следует обговаривать со студентами то, что с течением времени стилистическая характеристика определенных лексических единиц может меняться и, следовательно, стилистическая релевантность словосочетаний с ними тоже изменяется. С другой стороны, при переводе текстов на русский язык обучающимся необходимо подбирать адекватные эквиваленты слов,

выстраивать стилистически нейтральный ответ во время устной части экзамена при беседе на темы из повседневной жизни, не допуская просторечных выражений и жаргонизмов. В наше время существует огромное количество ресурсов для самостоятельного изучения языка, которые, несомненно, полезны для развития различных языковых навыков обучающихся. Однако нужно понимать, что не всегда данные ресурсы помогают подобрать языковые средства, соответствующие стилю общения на занятиях и/или экзамене по иностранному языку, а также удовлетворяющие целям письменного и устного перевода. Изучение лексической сочетаемости как в диахронической, так и в синхронической перспективе прививает обучающимся навык пользоваться именно тем функциональным стилем, который необходим в каждой конкретной ситуации.

Таким образом, разъясняя некоторые принципы анализа этимологии английской лексики, прагматики ее употребления в речи, преподаватель может не только удовлетворить повседневное любопытство студентов, но и дать им понимание того, как функционирует все богатство словарного состава английского языка. Это поможет обучающимся развивать понимание языка как системы, а в прикладном отношении научит их пользоваться этой системой для научных и практических целей, написания собственных письменных работ и текстов устных докладов.

Список литературы

1. Александрова О.В., Тер-Минасова С.Г. *The English Syntax*. — М.: Изд-во Московского университета, 1987. — 188 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. — М., 2019. — 144 с.
3. Miller D.G. *External Influences on English: from its beginning to the Renaissance*. — Oxford. University Press, 2012. — 352 p.
4. Putter A. Code-switching in Langland, Chaucer and the Gawain poet // *Code-Switching in Early English* / Ed. by H. Schendl, L. Wright. De Gruyter Mouton, 2011. — P. 281–302.

ON THE CURRENT IMPORTANCE OF THE STYLISTIC VARIATION PHENOMENON IN «THE CANTERBURY TALES» BY G. CHAUCER FOR TEACHING ENGLISH

M.V. Oberyukhtina

Abstract. This paper discusses how the stylistic variation of the English language widely used by Geoffrey Chaucer functions in *The Canterbury Tales*. Some preliminary conclusions have been drawn as to how the research into this phenomenon can be applied to teaching English.

Keywords: stylistic, combinability, vocabulary, lexis, variation.

References

1. *Aleksandrova O.V., Ter-Minasova S.G.* The English Syntax. — M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987. — 188 p.
2. *Ter-Minasova S.G.* Slovosochetanie v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektah. [The Word Combination in the Frame of Science, Linguistics and Didactics]. URSS Moscow, 2019. — 144 p.
3. *Miller D.G.* External Influences on English: from its beginning to the Renaissance. — Oxford: University Press, 2012. — 352 p.
4. *Putter A.* Code-switching in Langland, Chaucer and the Gawain poet. // Code-Switching in Early English / Ed. by H. Schendl, L. Wright. De Gruyter Mouton, 2011. — P. 281–302.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В РОМАНЕ К. БАКЛИ «ЗЕЛЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ»

М.В. Оберюхтина

Аннотация. В данной статье автор рассматривает способы установления связей с общественностью, которые можно исследовать филологическими методами. Дается обзор теории дискурса и коммуникации, видов дискурса, одним из которых является пиар-дискурс, и их характеристик. Изучаются стилистические средства художественной выразительности, которые помогают герою художественного произведения в созданном автором пиар-дискурсе привлечь внимание его целевой аудитории и заставить их выполнять необходимые для него действия.

Ключевые слова: связи с общественностью, дискурс, художественные средства, метафора, практики пиара.

Пиар — это современное явление в бизнесе, тесно связанное с речевыми практиками современного общества. Существование присущего пиар-дискурсу индивидуального языкового стиля с его собственными филологическими методами связей с общественностью активно обсуждается в научных работах, написанных в последние десятилетия. Вполне вероятно, что, исследуя филологическими методами произведения речи о пиаре различных стилей и жанров, филологи могли бы обнаружить своеобразную совокупность средств художественной выразительности и дискурсных практик, характерных для деятельности пиар-специалистов.

Можно предположить, что, как и в дискурсе любой социальной практики, в дискурсе пиара существует до определенной степени исследованный языковой и дискурсивный инструментарий. О нем Е.О. Менджерицкая говорит так: понятие «дискурсообразующие факторы» подразумевает участников коммуникации, каналы (и виды) коммуникации, цели и задачи коммуникации, единицы коммуникации; в свою очередь, под «маркерами» подразумеваются типы заголовков, невербальные средства воздействия (разно-

образные *visuals*) в соотношении с вербальными, принципы отбора и представления материала, авторство текстов, монологичность или диалогичность коммуникации [1]. Знакомя общественность и прессу с принципами и ценностями организации, для которой выполняются пиар-услуги, пиар-специалисты должны учитывать эти факторы; им необходимо добиться того, чтобы публика интегрировала необходимые принципы и ценности, т.е. делала их и своими принципами, и, как следствие, пользовалась услугами данной организации или покупала ее продукты.

Попытка показать будни пиар-специалистов с их дискурсом и коммуникациями с прессой и общественностью предпринимается во многих произведениях Кристофера Бакли («Здесь курят», «С первой леди так не поступают»), среди прочего — в романе «Зеленые человечки».

В романе «Зеленые человечки» («*Little Green Men*») Кристофер Бакли, как и во многих других вышеупомянутых произведениях, живописует речи пиар-специалистов и людей со схожими профессиональными функциями, в которых они пользуются разнообразными языковыми средствами и лингвистическими стратегиями. Обратимся к одному эпизоду из романа «Зеленые человечки», чтобы продемонстрировать иногда неявное плетение дискурса пиара из бесконечных исторических параллелей, идеальных образцов, метафор, с помощью различных филологических средств — лингвистических средств и дискурсных стратегий.

Речь, которую мы будем рассматривать, произносит главный герой данного романа, ведущий популярного телешоу и впоследствии — завербованный тайной организацией «Маджестик» Джон О. Банион. Следуя заданию организации, на которую он должен работать, Банион решительно намерен убедить людей в том, что инопланетяне хотят их поработить, а правительству до этого нет дела. Его речь — это кладезь примеров, отсылок, риторических средств языковых приемов, из которых зачастую складывается текст, производимый пиар-специалистами. Рассмотрим, как Дж. Банион приводит людей к мысли о том, что они должны сами принять все необходимые меры против нашествия инопланетян, не дожидаясь помощи от государства [3].

В первую очередь он произносит следующую фразу: «*My name is John O. Banion and I am an Abductee*»¹.

¹ «Меня зовут Джон Банион, и меня похищали инопланетяне» (англ.).

После этой реплики следует одна из тех авторских ремарок, которые в текстах К. Бакли часто воспринимаются как внутренняя речь главных героев (такое встречается в речи героев Ника Нейлора и Бойса Бейлора в романах «Здесь курят» и «С первой леди так не поступают» соответственно). Автор отмечает, что это высказывание сенатор организует подобно фразе «*Ich bin ein Berliner*» Джона Кеннеди. «*Ich bin ein Berliner*» — это высказывание, имеющее комический потенциал. Дело в том, что лексическая единица «*Berliner*» может означать «берлинец», однако та грамматическая форма, которую использовал Кеннеди, подразумевает смысл «Я — пончик», а вовсе не «Я тоже берлинец». Грамотные читатели вполне могут быть знакомы с этим юмористическим моментом, и он может добавлять комизма в этой ситуации.

За этим признанием следует просьба или требование к зрителям: «*Don't worry your pretty little heads*¹» [3].

В данном побудительном предложении читателям, вероятно, больше всего бросается в глаза, а присутствующих на встрече с Банионом раздражает умышленно избранное им слово «*Pretty*». По данным корпусных исследований в BNC (British National Corpus) и COCA (Corpus of Contemporary American English) [2, 4], слово «*pretty*» в 70% случаев применяется к женщинам и детям, которые традиционно считаются социально незащищенной, а также не имеющей веса в обществе частью населения, легкомысленной и занятой несерьезными заботами. Кроме того, фраза «*Don't worry your pretty little heads*» — это клише, речевой штамп, типично снисходительно используемый сильными могущественными мужчинами (или мужчинами, желающими считать себя таковыми) по отношению к слабым, беззащитным женщинам.

В следующем предложении автор применяет концептуальную метафору. Данная метафора ставит физический, социальный опыт человека в соответствие более абстрактным понятиям и феноменам с целью организации и структурирования знаний об окружающем мире [5] «ЛЮДИ — это ГРИБЫ / РАСТЕНИЯ», развивая ее в развернутую метафору. Согласно авторскому замыслу Банион не только оскорбляет людей, приравнивая их к грибам, сначала немало удивив и заинтриговав их этим сравнением, но и открывает им нелестные характеристики, объединяющие их с грибами: «*We are stuck in the dark and feed... a lot of shit!*»² [3]. Этот отрывок с раз-

¹ «Не засоряйте/беспокойте ваши (прелестные) головки» (англ.).

² «Мы застряли в темноте, и нас кормят всяким дерьмом» (англ.).

вернутой метафорой завершается риторическим вопросом. И слушатели, не желая находиться в темноте (концептуально связаны ТЕМНОТА и НЕВЕДЕНИЕ, ПОТЕРЯ КОНТРОЛЯ), на риторический вопрос «*Are we happy being kept in the dark and fed a lot of shit?*»¹ отвечают, естественно, отрицательно.

Далее следует цепочка риторических вопросов, на которые слушатели на митинге будут отвечать автоматически, не задумываясь. Вот примеры такой цепочки вопросов: «*Are we not a democracy? Are the people not sovereign? Will we be lied to anymore?*»² [3]

Речь продолжается чередой побудительных предложений с глаголами в форме повелительного наклонения с эпифорой (в которой files будет означать «секретные материалы ведомств США»): «*Open the files! Unlock the files!*»³ [3]

Заключительный способ взвинтить публику, настроить общественность на нужный воинственный лад — парадокс: скрытый оксюморон в предложении «*We want hearings yesterday!*» — в значении «эти слушания должны были бы быть еще вчера» [перевод мой. — М. О.]. Однако, поскольку речь идет о выражении пожелания, можно констатировать, что оно обычно должно относиться к настоящему или будущему времени, но никак не к прошедшему.

Таким образом, в романе К. Бакли прослеживается мысль о том, что любой человек, становящийся специалистом по пиару, пресс-секретарем или просто выразителем идей определенных групп общественности, а особенно профессиональный пиар-специалист, должен уметь использовать филологические средства для эффективного осуществления связей с общественностью.

Список литературы

1. Менджерщицкая Е.О. Дискурссфера англоязычных печатных СМИ // Сборник программ курсов по выбору кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1 из РИСО. — 2017. — С. 124–133.
2. British National Corpus. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 14.01.2025).
3. Buckley Ch. Little Green Men. — New York: Random House, 1999. — 300 p.

¹ «Довольны ли мы тем, что нас держат в темноте и кормят всяким дерьмом?» (англ.)

² «Разве у нас не демократия? Разве люди не хозяева своей страны? Будут ли нам снова лгать?» (англ.)

³ «Откройте секретные архивы!» (англ.).

4. Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (дата обращения: 14.01.2025).
5. *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by.* — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 256 p.

PUBLIC RELATIONS IN THE FRAMEWORK OF PHILOLOGY IN «LITTLE GREEN MEN» BY CH. BUCKLEY

M.V. Oberyukhtina

Abstract. This article presents the ways of establishing public relations that can be investigated by philological methods. The author gives an overview of the theory of discourse and communication and the types of discourse, one of which is PR discourse as well as of their characteristics. The author studies the stylistic means in the artistic text that help the main character of “Little Green Men” to attract the attention of his target audience and galvanise them to the action needed.

Keywords: PR, discourse, artistic devices, metaphor, PR practices.

References

1. *Mendzherickaja E.O.* Diskursosfera anglojazychnyh pechatnyh SMI [The Discourse of Printed Media]// Sbornik programm kursov po vyboru kafedry anglijskogo jazykoznanija filologicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. V. 1 from “Advertising and Public Relations”. — 2017. — P. 124–133.
2. British National Corpus. [Electronic resource]. — URL: <http://www.nat-corp.ox.ac.uk> (accessed: 14.01.2025).
3. *Buckley Ch.* Little Green Men. — New York: Random House, 1999. — 300 p.
4. Corpus of Contemporary American English. [Electronic resource]. — URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (accessed: 14.01.2025).
5. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 256 p.

THE FUNCTIONING AND TRANSLATION OF ENGLISH TERMS OF PHYSICS IN POPULAR SCIENCE DISCOURSE

E.S. Tyurina

Abstract. The article focuses on the English language terminology of physics and how its units function in popular science discourse. The article aims to determine how specialized terminology is modified to be better understood by the general public through the use of expressive means of language and stylistic devices. Comparative analysis of the English source text and the Russian target text has been conducted to single out the main issues which the translator faces while dealing with texts belonging to popular science discourse.

Keywords: terminology of physics, popular science discourse, expressive means of language, stylistic devices, issues of translation.

Popular science literature has been gaining popularity in the last decades. The target audience of popular science literature calls for significant alterations in how scientific information is presented and how special terms are used. Moreover, the author often appeals to a multilingual audience and, thus, translations into foreign languages are made with regard to both the author's style and the traditions of academic writing in a particular country.

The material chosen for study and analysis at the level of speech includes the book *Black Holes and Time Warps: Einstein's Outrageous Legacy* by Kip Thorne and its translation into Russian. It is a 1994 book on the history and development of black hole theory written by physicist Kip Thorne, a Nobel Prize laureate in physics.

Popular science literature is characterized by an extensive use of expressive means to ensure a higher level of the accessibility of information. Researchers highlight the unique status of the genre of popular science as a 'borderline case' between academic writing and fiction, performing both the intellectual function (the function of message) and the aesthetic function (the function of impact). The subject and the style bring it closer to academic writing, whereas its expressivity, the use of vivid imagery, as well as the author's subjective evaluation

embedded into the text, bring it closer to fiction [1: 11]. Books of this genre appeal to a larger audience, and not exclusively to professionals, therefore, it is expected that the degree of expressivity will be higher than in other subgenres of academic writing. This expressivity is achieved through the use of evaluative vocabulary, stylistically marked words, idioms and stylistic devices (namely, metaphor and simile). Due to this fact the terms themselves, which are normally neutral, can acquire connotations or contextual expressivity.

The most powerful in this respect are metaphors and similes. Metaphor and simile are very common in the texts of popular science, since they help the reader to bridge the gap of understanding between the realm of usual and well-known, and the realm of obscure and, very often, highly abstract. Here, one can turn to the notion of scientific metaphor. Scientific metaphors are regarded as a tool for inquiry and explanation, a kind of aid for scientists in their work, as a conscious cognitive technique aimed at conceptualizing an abstract or obscure phenomenon or process. *Metaphors We Live By*, a book by George Lakoff and Mark Johnson, provides a similar view on the nature of metaphors, namely, the conceptual view. It is based on the assumption that human consciousness is metaphoric throughout. Metaphor is no longer perceived as a unit of language but rather as a unit of a conceptual system expressed in everyday speech [4, p. 3]. So, one experiences the extralinguistic reality in a metaphorical way and then uses metaphoric language to describe the experience. This process is subconscious and is made evident only in language.

Thus, when analyzing metaphors in scientific texts, particularly in texts of popular science, we can use the framework of conceptual metaphors. Metaphor-based terms are common in the terminology of physics and may be classified into groups based on the conceptual metaphor they represent.

CELESTIAL OBJECT IS A LIVING BEING: *white dwarf; parent star, stellar lifetime, stellar death, companion star.*

SPACETIME IS WATER: *quantum foam, curvature ripple.*

Conceptual metaphors are perceived as systemic units. These expressions are conventional and implicit, they are not perceived as manifestations of linguistic creativity.

Terms of physics are often included into extended metaphors in popular science literature, and these can be also regarded as manifestations of conceptual metaphors. What brings about new expressiveness is the partial nature of metaphorical structuring. There are

linguistic expressions which employ the implicit parts of a metaphor. Such expressions are no longer 'literal' and belong to figurative or imaginative language [4: 13].

When used unconventionally, conceptual metaphors no longer blend into their language surroundings. They are revived; they stand out and become more expressive.

CELESTIAL OBJECT IS A LIVING BEING:

*Presumably, every **massive star** would eject enough matter into interstellar space, as it **ages** or during its **death throes**, to reduce its mass below 1.4 Suns and thereby enter a safe, **white-dwarf grave**.*

*Among Zwicky's claims, the most relevant to this book is the role of **neutron stars as stellar corpses**.*

SPACETIME IS WATER

*[...] the vacuum fluctuations are so huge that **space** as we know it '**boils**' and becomes a **froth of quantum foam** — the same sort of quantum foam as makes up the core of a spacetime singularity.*

*I am painfully aware of our lack of understanding when I contemplate the sorry state of present estimates of the **gravitational waves bathing the Earth**.*

The unconventionality of these expressions creates a vivid imagery which helps to visualize the processes happening in space, while keeping the text rather simple and easy to understand.

The use of similes in popular science literature is also extensive and is based on finding analogies between scientific concepts and everyday concepts.

*As this **fluctuational wave** sweeps around the spinning body, it behaves **like a line of ice skaters making a turn**.*

*In Figure 13.4, the two **universes** are **like separate islands** in an ocean and the **hyperspace** is **like the ocean's water**.*

*When electric charge is dropped into such a hole, then the hole acquires just one new feature: **electric field lines**, which stick out of it radially **like quills out of a hedgehog**.*

Thus, the role of metaphors and similes in the texts of popular science consists in ensuring better understanding of concepts of physics through powerful imagery and in making the scientific text reader-friendly.

Translating popular science literature is a challenging task. There are three aspects of the translator's work which are to be taken into account: the pragmatic aspect, the stylistic aspect and the terminological aspect.

Within the framework of translation, the pragmatic approach, that is, adjusting the target text to the requirements and expectations of the target audience, is of utmost importance: according to B. Nazemi and S. Taki, “naturalness in translation will be achieved if there is pragmatic adaptation” [5, p. 13]. Here, cultural and social differences of the source and target cultures are perceived as the main source of complexity. It can be argued, however, that a kind of pragmatic adaptation is needed in case of popular science as well, where the knowledge barrier can hinder the perception of the target text by the reader [2, p. 270]. Thus, the translator of a work of popular science also performs the task of simplifying and explaining obscure concepts to the general public.

From the point of view of the pragmatic approach to translation, two issues can be singled out — the target audience’s lack of professional knowledge and their lack of culture-specific knowledge. Both of these issues are tackled by introducing additions and explanations into the target text. The volume of added text ranges from one or two words to whole sentences. The reasons for expansion may also vary. Consider the following examples:

*In the West, by contrast, the emphasis was on the viewpoint of the person who rides inward on the imploding star’s surface, through the horizon and into the true singularity; and, accordingly, the object thereby created was called a **collapsed star**.*

*Наоборот, на Западе акцентировалась точка зрения наблюдателя, находящегося на поверхности схлопывающейся звезды и движущегося вместе с ней через горизонт внутрь, к настоящей сингулярности, соответственно создающийся при этом объект называли **сколлапсировавшей звездой** — **коллапсаром**.*

In this example, the translator provides two equivalents for the term *collapsed star*: *сколлапсировавшая звезда* and *коллапсар*. Both of them are used in the Russian tradition, so it can be argued that the reasons for introducing the second equivalent are purely pragmatic. The term *коллапсар* belongs to a group of terms with similar forms denoting different kinds of stars and astronomical objects: from *пульсар/pulsar* and *квазар/quasar* to more obscure *магнетар/magnetar* and *блазар/blazar*. This addition, therefore, can help the reader to create associations with other terms of physics, including those they have already encountered in the text (e.g. *pulsar* and *quasar*).

<i>Landau's greatest triumph was his masterful use of the laws of quantum mechanics to explain the phenomenon of superfluidity [...]</i>	<i>Величайшим триумфом Ландау стало его мастерское использование законов квантовой механики для объяснения феномена сверхтекучести (полное исчезновение внутреннего трения в жидком гелии при охлаждении до температур вблизи абсолютного нуля) [...]</i>
---	--

The translator chooses to provide the reader with the definition of the term *superfluidity*, which is absent in the source text. This expansion is conditioned by the target audience in two ways: on the one hand, it compensates for the lack of knowledge in the field, expected from the reader; on the other hand, it may be interesting for the Russian reader to learn more about the research of L.D. Landau, one of the leading Russian physicists of the 20th century.

From the point of view of style, it should be pointed out that the Russian style of popular science literature tends to be more neutral than the English one and is characterized by the extensive use of terms. The translator tends to render words of the general language with the help of terms in the target language:

<i>In Moscow, Landau and his colleagues, while believing Oppenheimer and Snyder's calculations, had severe trouble reconciling these two viewpoints.</i> <i>Theorists, intrigued by this prospect, will go back to their simulations and search for signs of such doublet wiggles.</i>	<i>В Москве Ландау и его коллеги, хотя и верили в расчеты Оппенгеймера и Снайдера, столкнулись с серьезными проблемами, пытаясь примирить эти две системы отсчета.</i> <i>Теоретики, заинтригованные перспективами, возвращаются к моделированию в поисках признаков таких парных осцилляций.</i>
--	---

Terms form the core of the popular science style. They fulfill the intellectual function of the text and establish a strong link between the genre of popular science and the genre of academic writing. That is why translating terms is one of the main issues when it comes to translating texts of popular science.

The study of selecting equivalents for terms has revealed that all the main ways of selecting a translation equivalent are used for terms of physics. When there is more than one translation equivalent, both equivalents are used interchangeably.

angular momentum — *угловой момент* (calque modelling), *момент импульса* (transformational translation)

[...] and the hole's **angular momentum** (a precise measure of how fast it spins) must be the same as the star's.

[...] и **момент импульса** дыры (мерило того, насколько быстро она вращается) должен быть в точности равен **угловому моменту** звезды.

wormhole — червоточина (lexical equivalent), (кротовая) нора (transformational translation)

Now, take the energy density of the material inside the **wormhole** (its energy per cubic centimeter), as measured by a light beam — that is, as measured by someone who travels through the **wormhole** at (nearly) the speed of light.

Возьмем теперь плотность энергии вещества внутри **червоточины** (энергия на кубический сантиметр) с точки зрения светового пучка, т.е. с точки зрения путешественника, который движется через **нору** со скоростью света.

Most of the terms in the material under study have established equivalents in the Russian language. There are, however, instances, when the translator does not use the established equivalent, but opts for a contextual equivalent instead:

- 1) *circumference*; established equivalents — *длина окружности, окружность*; contextual equivalents: *радиус, диаметр, поперечник, поперечный размер, размер*.

The Schwarzschild geometry predicted that for each star there is a critical **circumference**, which depends on the star's mass.

Шварцшильдовская геометрия предсказывает, что для каждой звезды существует критическая **окружность**, зависящая от массы.

[...] no force whatsoever can resist the squeeze of gravity when an object is very near the critical **circumference**.

[...] никакие силы не способны противостоять сжатию в случае, если **радиус** объекта становится очень близок к критическому.

There is a critical **circumference**, Michell reasoned, for which the escape velocity is the speed of light.

В таком случае, рассуждал Митчелл, должен существовать критический **диаметр**, для которого скорость отрыва равна скорости света.

[...] he obtained a single, smooth curve (right half of Figure 4.5; see also Box 4.2), and the measured masses and **circumferences** of Sirius B and other known white dwarfs agreed with that curve moderately well.

[...] получилась одна плавная кривая (правая часть рис. 4.3); измеренные массы и **поперечники** Сириуса В, а также других известных белых карликов относительно хорошо согласовывались с полученной кривой.

[...] *he had computed the internal structure, and then from it the star's total mass and its **circumference**.*

*Rather, it is caused by gravitational time dilation (the slowing of the flow of time) near the critical **circumference**.*

[...] *он рассчитал внутреннюю структуру и затем, зная ее, — полную массу и **поперечный размер** звезды.*

*Скорее всего, оно объясняется гравитационной временной задержкой (замедлением течения времени) вблизи критического **размера**.*

This trend is rather controversial: it creates a number of contextual synonyms for a single term, which is undesirable, and may cause confusion for the reader, because some of the synonyms (e.g. *диаметр* и *размер*) drift quite far apart in terms of meaning. Perhaps, the translator has chosen to introduce several contextual equivalents in order to avoid repetitions, since the Russian language is less tolerant towards repetitions than English.

2) *bar*; one of the established equivalents: *болванка*; contextual equivalents: *твердотельная антенна, твердотельный детектор, антенна*.

*As the waves' tidal force oscillates, it should first compress, then stretch, then compress such a **bar's** ends.*

*The most challenging aspect of Weber's project was to invent a sensor for monitoring his **bars'** vibrations.*

*First, although the **bars** built by Weber, by Braginsky, and by others had achieved far better sensitivities than anyone had dreamed possible in the 1950s [...]*

*Weber would have liked to make his **bar** from such a material, but these materials were far too expensive, so he did the next best thing [...]*

*Приливные силы гравитационных волн будут сначала сжимать, потом растягивать, затем снова сжимать концы такой **болванки**.*

*Наиболее сложным аспектом проекта Вебера было создание датчика для слежения за колебаниями **твердотельных антенн**.*

*Во-первых, хотя **твердотельные детекторы**, построенные Вебером, Брагинским и другими, достигли гораздо лучшей чувствительности, чем можно было даже мечтать в 1950-х [...]*

*Веберу хотелось бы сделать свою **антенну** из такого материала, но это было бы слишком дорого, поэтому он сделал лучшее, что мог [...]*

In this case, the choice to introduce contextual equivalents is justified. They help to express the full meaning of the term *bar*: the term *болванка* denotes the material, of which the object consists, and conveys to the reader the fact that it is made of metal. The terms *твердотельный де-*

тектор, твердотельная антенна and *антенна* focus on the function of the object they denote — it is a detection device. If the equivalent *болванка* was the only one to be used, it would be hard for the reader to fully grasp the concept.

So, the introduction of contextual equivalents in the target text has both positive and negative effects on the perception of the text: on the one hand, confusion can arise since readers are not able to associate various contextual equivalents, often slightly different in meaning, with a single term; on the other hand, repetitions can be avoided this way. Moreover, certain terms require a number of contextual equivalents to fully convey their meaning (e.g. the form of the object they denote, and its function), when the full meaning cannot be deduced from the existing equivalent.

References

1. *Nazarenko A.L.* Nauchno-populyarnaya literatura kak ob'ekt funkcional'noj stilistiki i lingvodidaktiki: avtoreferat dis. ... dok. filol. nauk. [Popular science literature as a subject of functional stylistics and language didactics: abstract of a doctoral thesis in philological sciences]. Moscow, 2000. 48 p.
2. *Petrova O.V.* Chto, gde, kogda, zachem i kak? (razmyshleniya o pragmaticheskoy adaptatsii) [What, where, what for and how? (Reflections on Pragmatic Adaptation)] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. — 2021. — No 3. [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-gde-kogda-zachem-i-kak-razmyshleniya-o-pragmaticheskoy-adaptatsii> (accessed: 17.01.2025).
3. *Torn K.* Chernye dyry i skladki vremeni. Derzkoe nasledie Ejnshtejna [Black Holes and Time Warps: Einstein's Outrageous Legacy] / translation from English into Russian edited by the corresponding member of the RAS V.B. Braginsky. — M.: Fizmatlit, 2021. — 616 p.
4. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. — Chicago, IL: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
5. *Nazemi B., Taki S.* Pragmatic Adaptation as a Requirement in Translation: A Case of Persian and English Versions of The Shah // International Journal of English Language & Translation Studies. — 2017. — No. 5. — Vol. 1. — P. 8–14.
6. *Thorne K.S.* Black Holes and Time Warps. Einstein's Outrageous Legacy. — W.W. Norton & Company, 1994. — 619 p.

Список литературы

1. Назаренко А.Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 2000. — 48 с.
2. Петрова О.В. Что, где, когда, зачем и как? (размышления о прагматической адаптации) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — No 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-gde-kogda-zachem-i-kak-razmyshleniya-o-pragmaticheskoy-adaptatsii> (дата обращения: 17.01.2025).
3. Торн К. Черные дыры и складки времени. Дерзкое наследие Эйнштейна / пер. с англ. под ред. чл.-корр. РАН В.Б. Брагинского. — М.: Физматлит, 2021. — 616 с.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. — Chicago, IL: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
5. Nazemi B., Taki S. Pragmatic Adaptation as a Requirement in Translation: A Case of Persian and English Versions of The Shah // *International Journal of English Language & Translation Studies*. — 2017. — No. 5. — Vol. 1. — P. 8–14.
6. Thorne K.S. *Black Holes and Time Warps. Einstein's Outrageous Legacy* // W.W. Norton & Company, 1994. — 619 p.

РЕЦЕНЗИИ

Reviews

УДК 811.111
ББК 81.432.1

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
SARAH HART. ONCE UPON A PRIME:
THE WONDROUS CONNECTIONS BETWEEN
MATHEMATICS AND LITERATURE. FLATIRON
BOOKS, 2023. 304 P.**

О.В. Корецкая

Аннотация. В рецензии анализируется написанная на английском языке книга доктора математических наук Сары Харт, раскрывающая связь математики с литературой. Цель автора заключается в том, чтобы объяснить, почему математика является искусством и как эта идея развивалась на протяжении истории в целом ряде художественных произведений. Жанр книги можно отнести к научно-популярной литературе, где автор доступным языком рассматривает цифровой символизм, математические метафоры и образы в поэзии и прозе. Многие из приведенных в книге стихотворений, а также рассказов и романов написаны британскими и американскими писателями, что представляет интерес для филологов-англистов. Книга состоит из трех частей, первая из которых посвящена математике и поэзии, вторая — математическим аллюзиям, а третья — роли математики в глобальном вертикальном контексте.

Ключевые слова: математика как искусство, математическая аллюзия, Пи-филология, комбинаторная литература, вертикальный контекст.

Является ли математика искусством? Этот вопрос уже не одно столетие вызывает бурные споры, а их участники вряд ли когда-либо придут к единому мнению. Однако для автора книги *Once Upon a Prime: The Wondrous Connections Between Mathematics and Literature*, доктора математических наук Сары Харт, преподавателя престижного колледжа Биркбек Лондонского университета, ответ очевиден. Математика — это искусство, и связанные с математикой аллюзии можно найти как в плане содержания, так и в плане выражения многих художественных произведений.

Несмотря на то что автор рецензируемой книги — математик по образованию, она представляет актуальность для филологии, так как изучение роли математики в художественной литературе не

часто заслуживает внимания лингвистов и литературоведов, которые расценивают ее исключительно как строгую науку о цифрах. Всемирно известные литературные произведения, послужившие материалом книги, анализируются с точки зрения скрытых в них концептуальных математических метафор [7], что позволяет оценить данное исследование как вклад в развитие лингвостилистики, лингвопоэтики [4] и вертикального контекста [2]. Более того, написанная на английском языке книга, безусловно, будет интересна и филологам-англистам, поскольку автор прежде всего опирается на произведения британских и американских поэтов и писателей, что дает возможность проанализировать знакомые тексты в несколько ином ключе.

Математическая аллюзия уже заключена в названии книги, так что у читателя создается впечатление, что ему предстоит узнать об удивительных «похождениях простого числа». Так, первая часть названия *Once Upon a Prime* созвучна известной фразе *Once upon a time there lived*, с которой обычно начинаются сказки. Во второй части эпитет *wondrous*, относящийся к книжному стилю, вызывает ассоциации с некими удивительными приключениями (в английском языке нередко можно встретить коллокацию *wondrous adventures*). И действительно, читателю предлагается совершить увлекательное путешествие в мир художественной литературы и обнаружить там «удивительные связи» (*wondrous connections*) с математикой. Что касается филологов, то перед ними открывается перспектива переосмыслить некоторые произведения с учетом математических образов и даже наметить для себя новые направления для лингвистических или литературоведческих изысканий.

«Удивительные связи» между математикой и литературой объясняются автором следующим образом. У нашей Вселенной есть структура, и ее существование подчиняется определенным закономерностям, а математика — лучший инструмент для ее понимания. Вот почему математику часто называют языком Вселенной и почему она так важна для науки. Поскольку люди являются частью Вселенной, вполне естественно, что в присущих человеку формах творческого самовыражения, в том числе литературе, также обнаруживаются вполне очевидные структуры, закономерности и шаблоны, которые без математического подхода к анализу материала не представляется возможным оценить в полной мере.

Книга начинается с предисловия, в котором Сара Харт обосновывает связь математики с искусством в широком смысле слова, знакомя читателя с некоторыми значимыми историческими фак-

тами, показывающими, как на протяжении своего существования математика была частью культурного сознания каждого образованного человека. Здесь преимущественно подчеркивается, что еще в Средневековье существовало семь свободных искусств (*liberal arts*): тривиум (грамматика, риторика, логика) и квадривиум (арифметика, музыка, геометрия, астрономия). Отсюда делается вывод, что свободные искусства в совокупности образовывали основные гуманитарные дисциплины, где не было разделения между «математикой» и «искусством».

Кроме того, в пример приводятся знаменитые писатели, которые одновременно с литературным творчеством интересовались и математикой. Филологам-англистам хорошо знакомо имя «отца английской поэзии» Джеффри Чосера, написавшего не только «Кентерберийские рассказы», но и, поскольку Чосер был также философом и астрономом, трактат об астрологии. Произведения знаменитого автора «Алисы в Стране чудес», профессионального математика Льюиса Кэрролла, построены на математических образах. В рассказе «Золотой Жук» Эдгара По повествуется о криптографии. В романе Германа Мелвилла «Моби Дик» упоминаются циклоиды, а в «Парке Юрского периода» Майкла Крайтона встречаются фракталы, что стало отражением их популярности в науке в 1990-х.

Книга состоит из трех частей, разделенных на главы, где первая часть *Mathematical Structure, Creativity, and Constraint* посвящена роли математики в поэзии, а также некоторым математическим особенностям построения сюжета. Автор использует существительное *constraint* не случайно. Оно обладает высокой частотностью в науке и в данном случае отсылает читателя к комбинаторной литературе (*constrained writing*), которая строится в соответствии с некоторыми формальными правилами, или ограничениями [1, 6]. Иными словами, это литературные произведения, где происходит комбинирование тех или иных элементов текста (букв, слов, фраз, строк, абзацев): их перестановок, сочетаний, повторений, выделения или намеренного отсутствия. И в этом смысле такие произведения связаны с математикой, поскольку подчиняются конкретным закономерностям.

В качестве иллюстрации приводятся интересные примеры особого вида поэзии, где количество букв в строке играет определяющую роль. Так, американский математик Майк Кит представил вариацию стихотворения «*Near a Raven*» на тему «Ворона» Эдгара По для запоминания числа Пи: длина каждого слова в буквах пред-

ставляет собой цифру. По-английски такое стихотворение обозначается термином *piem*, образованным методом словослияния *pi* и *poet*. При этом в филологии даже существует целое направление, получившее название Пи-филологии (*piphilology*), которая занимается созданием и использованием мнемонических приемов для запоминания цифр математической константы Пи [9].

В стихотворении «*Near a Raven*» закодированы первые 740 десятичных знаков Пи по следующему принципу. Количество букв в большинстве слов обозначает цифру Пи. Слова, содержащие 10 букв, обозначают ноль. Слова, содержащие более 10 букв, обозначают две последовательные цифры Пи (например, 12-буквенное слово представляет собой цифру «1», за которой следует «2»). Это составляет так называемый язык Пи (*pilish*) — элемент комбинаторной литературы, в котором длина последовательных слов или предложений соответствует цифрам числа Пи.

Ниже представлены название, автор и первая строфа стихотворения Кита, где «Рое» соответствует цифре 3, «Е» — 1, «Near» — 4, «A» — 1, «Raven» — 5 и т.д.

Пое, Е. *Near A Raven*

Midnights so dreary, tired and weary.

Silently pondering volumes extolling all by-now obsolete lore.

During my rather long nap — the weirdest tap!

An ominous vibrating sound disturbing my chamber's antedoor.

«This», I whispered quietly, «I ignore».

Далее Сара Харт продолжает рассуждать об элементах математического построения стихотворений, приводя высказывание, которое обычно приписывают Эйнштейну, о том, что математика — это поэзия логического мышления. Как в математическом доказательстве, так и в поэзии важно каждое слово, и цель в обоих случаях состоит в том, чтобы выразить всю идею в лаконичной, обычно достаточно краткой и структурированной форме.

Одним из примеров математического построения стихотворения является секстина, представленная шестью итерациями конечных слов, где каждая новая строфа повторяет последние слова предыдущей строфы в последовательности 6—1—5—2—4—3. При этом слова в финальной строфе аналогичны словам в первой строфе и завершают таким образом циклическую структуру итераций.

Это прекрасно демонстрирует стихотворение «*To the Indifferent Women*» американской феминистки и писательницы Шарлотты Перкинс Гилман. В первых двух строфах, приведенных ниже, происходит чередование шести существительных *homes, peace, life, love, care, world*:

To the Indifferent Women

A Sestina

You who are happy in a thousand homes,
Or overworked therein, to a dumb peace;
Whose souls are wholly centered in the life
Of that small group you personally love—
Who told you that you need not know or care
About the sin and sorrow of the world?

Do you believe the sorrow of the world
Does not concern you in your little homes?
That you are licensed to avoid the care
And toil for human progress, human peace,
And the enlargement of our power of love
Until it covers every field of life?...

Наметив связь поэзии и математики, автор далее обращается к геометрическому построению сюжета, разбирая математические графики американского писателя Курта Воннегута, отражающие развитие традиционных литературных сюжетов. На графиках Воннегута вертикальная ось показывает «счастье» и «несчастье», а горизонтальная — течение времени: восходящая кривая означает улучшение ситуации, а нисходящая — ее ухудшение. Графики подразделяются на три категории.

Первый график «*Boy Meets Girl*» («Мальчик встречает девочку») показывает сюжет большинства классических романов, где юноша встречает девушку, юноша теряет девушку и потом, в конце концов, юноша обретает девушку. В качестве примера приводится история Джейн Беннет и мистера Бингли из романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение». Начало графика показывает «счастье». Джейн и Бингли встречаются и влюбляются, но потом их разлучают козни гордого мистера Дарси. Начинаются страдания. В итоге Дарси осознает свою ошибку и признается во всем

Бингли, который тут же возвращается за своей девушкой. И все они после этого живут долго и счастливо, а график устремляется вверх к бесконечности.

На следующем графике «*Cinderella*» («Золушка»), напротив, отправной точкой является «несчастье», начинающееся с отрицательных значений. Бедная Золушка спит в золе от камина и целыми днями работает на своих ужасных сводных сестер. Но потом ситуация налаживается. Она отправляется на бал, где встречает прекрасного принца. Правда, затем следует катастрофа: наступает полночь, и кажется, что счастье потеряно. Однако она оказывается единственной девушкой в королевстве, которая может влезть в хрустальную туфельку, оставленную при бегстве. Золушка выходит замуж за принца, и ее счастье становится бесконечным.

Третий график, «*Metamorphosis*» («Превращение»), начинается и заканчивается «несчастьем», отсылая нас к мрачной повести Франца Кафки. Это история о Грегоре Замзе, который однажды утром просыпается и обнаруживает, что за ночь превратился в гигантского «паразита» (обычно его принимают за таракана). За этим следуют страдания и смерть, что показано на графике линией вниз со знаком бесконечности.

После графиков Сара Харт переходит к обсуждению связи языка с геометрией. Язык как таковой построен из составных частей, букв, слов, предложений, абзацев, что аналогично иерархии в геометрии, существующей между точками, линиями и плоскостями. Здесь возникает вопрос о применимости аксиоматического подхода к построению языка. Так, в 1976 г. французский писатель Раймон Кено опубликовал небольшую статью под названием «Основания литературы» по аналогии с «Основаниями геометрии» Давида Гильберта. В «Основаниях литературы» Кено предполагает, что литературные тексты могут создаваться в соответствии с определенными литературными аксиомами, где вместо точек и линий выступают слова и предложения. Две геометрические аксиомы Гильберта в данном случае можно было преобразовать следующим образом.

1. Если в тексте даны два различных слова, в нем всегда есть предложение, содержащее эти два слова (у Гильберта: «Если даны две различные точки, всегда существует прямая, содержащая эти точки»).
2. Если в тексте дано предложение, любые два слова в нем однозначно определяют это предложение (у Гильберта: «Если дана

прямая, любые две точки на прямой однозначно определяют эту прямую»).

Затрагивая вопрос об аксиомах, Сара Харт стремится показать, как это научное понятие связано с литературой. В качестве примера в данном случае приводится липограмма — текст, составленный без употребления одной или нескольких букв [8]. Самым известным липограмматическим романом является «Исчезание» французского писателя Жоржа Перека. Роман удовлетворяет единственной аксиоме: наиболее распространенная в европейских языках буква *e* исключена. Во французском языке буква *e* встречается гораздо чаще, чем в английском. Оказывается, «липограмматическую сложность» (*lipogrammatic difficulty*) можно вычислить математически. Получается, что «липограмматическая сложность» романа из восьмидесяти тысяч слов на французском, такого как «Исчезание», равняется 13 373. Уровень сложности состоящего из восьмидесяти тысяч слов перевода на английский без буквы *e* составляет 10 162, что немного меньше, чем во французском.

Продолжая рассуждать о связи литературы с геометрией, Сара Харт обращается к так называемому обратному стихотворению (*reverse poem*). С геометрической точки зрения обратное стихотворение — это отображение на себя, в результате чего возникает палиндром [10]. Вначале строки читаются обычным способом, сверху вниз, но затем, после последней строки, стихотворение читается в обратном порядке, снизу вверх. Как правило, изначальный вариант пессимистичен, а второй, напротив, становится оптимистичным, что, например, демонстрирует обратное стихотворение Джонатана Рида «Потерянное поколение». Вот его первая строфа:

I am part of a lost generation
And I refuse to believe that
I can change the world.

Во второй часть книги «*Algebraic Allusions*» речь идет об алгебраических аллюзиях и цифровом символизме. Несколько чисел: 3, 7, 12 и 40, кажутся особенно значимыми, так как встречаются всюду: от религиозных текстов до сказок, пословиц и детских стишков. Достаточно вспомнить трех ведьм из «Макбета», семь гномов из «Белоснежки», семь смертных грехов, двенадцать апостолов, двенадцать колен Израилевых, сорок дней и ночей Всемирного потопа.

Особого внимания заслуживает цифра 3. Автор начинает с примеров идиом в английском языке, состоящих из трех слов. Это фи-

гуры речи, которые иногда обозначается термином «гендиатрис» (*hendiатрис*): *hook, line, and sinker; lock, stock, and barrel; wine, women, and song* [3]. Далее упоминаются эмфатические конструкции, такие как *the truth, the whole truth, and nothing but the truth*. В сказках часто речь идет о трех персонажах: три поросенка, три добрые феи, три медведя. В анекдотах также нередко участвуют три персонажа, например министр, священник и раввин или же физик, инженер и математик.

Еще один примечательный аспект числа 3 — это трихотомия. Если представить всю числовую прямую и условно воткнуть в нее булавку в точке x , то у любого другого числа будет ровно три варианта по отношению к x : меньше x , равно x или больше x . Подобная трихотомия встречается в математике повсеместно. Каждый угол бывает острым (менее 90 градусов), прямым (равным 90 градусам) или тупым (более 90 градусов). Существуют отрицательные, положительные или нулевые числа.

Говоря о трихотомии в языке, мы имеем в виду совокупность трех значений, которые получаются из двух крайностей и среднего. Наименьшее, наибольшее и все, что посередине. Восход, дневное время, закат. Рождение, жизнь, смерть. Прошое, настоящее и будущее. Подобная трихотомия встречается регулярно, как в языке, так и в структуре повествования. Например, в сказках, где в описании распространены три степени сравнения прилагательных, из трех братьев младший — самый умный и работающий, а из трех сестер младшая — самая красивая. Далее рассматриваются математические метафоры в художественных произведениях. Пример из романа «Мидлмарч» английской писательницы Джордж Элиот, которая изучала математику и специально посещала курс лекций по геометрии, особенно интересен филологам-англистам. Так, в одном эпизоде филантроп определяется как человек, чье милосердие увеличивается прямо пропорционально квадрату расстояния: «We all know the wag's definition of a philanthropist: a man whose charity increases directly as the square of the distance». В другом эпизоде поведение главной героини Доротеи сравнивается с задачей, по сложности не уступающей вращению неправильного твердого тела: «In short, woman was a problem which ... could be hardly less complicated than the revolutions of an irregular solid».

В завершающей части книги «*Mathematics Becomes a Story*» детально рассматривается роль математики в развитии художественного сюжета и ее влияние на общий смысл произведения. С точки зрения филологии математические образы входят в вертикальный

контекст, без понимания которого сложно в полной мере постичь авторский замысел. Здесь Сара Харт обращается к научно-фантастическому роману Эдвина Эбботта «Флатландия», в котором с помощью понятий пространственных измерений рисуется сатирическая картина социальной иерархии и ценностей викторианского общества. Например, в первой части книги все мужчины, включая главного героя Квадрата, — многоугольники, в то время как женщины — линии. Последние — одномерные существа в двумерном мире, не способные по самой своей природе к какому-либо равенству с представителями мужского пола.

Далее Сара Харт подробно останавливается на символизме числа Пи в романе Янна Мартеля «Жизнь Пи». Прозвище главного героя Пи (сокращение от полного имени Писин) не случайно и связано с иррациональным характером одноименной константы. «I am a person who believes in form, in harmony of order\ ... I'll tell you, that's one thing I hate about my nickname, the way that number runs on forever», — говорит Пи.

Идея иррациональности числа Пи в некотором смысле является ключевой темой романа: мы не можем быть уверены, насколько сказочный опыт главного героя был реальным, а насколько — вымышленным. Кажущаяся случайной последовательность цифр Пи в книге перекликается с непредсказуемыми морскими течениями, когда Пи и тигр Ричард Паркер плывут по бескрайнему океану. Они проводят в открытом море 227 дней, и это тоже особое число. Если разделить 22 на 7, то в итоге получим число Пи. Иными словами, число Пи можно записать в виде простой дроби $22/7$, что как бы показывает его «рациональность». И это в контексте всего романа не простое совпадение. По словам Янна Мартеля, он выбрал имя Пи, потому что ученые используют это иррациональное число, чтобы прийти к «рациональному» пониманию Вселенной. То, что Мартель искусно связал дробь $22/7$ с 227-дневным путешествием, кажется, скрывает особый символизм: это как будто бы делает число Пи рациональным и вносит порядок и гармонию в жизнь главного героя Пи, к которым он так стремится.

И конечно, без внимания не остается самое известное художественное произведение, написанное математиком. Это «Приключения Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла и его продолжение «Алиса в Зазеркалье». Именно целый ряд математических отсылок усиливают сюрреалистичность и сказочность воображаемых миров Алисы, создавая таким образом один из лучших образцов литературы в жанре абсурда.

Произведения Льюиса Кэрролла, пожалуй, одни из немногих, которые досконально разбирались с точки зрения математики [4]. Однако Сара Харт выделяет менее известные цифровые символы. Речь идет о числе 42, имеющем особое значение для Льюиса Кэрролла. Оно периодически встречается в его работах. Так, в «Приключениях Алисы в Стране чудес» 42 иллюстрации. Что касается сюжета, то Червонный король, взбешенный тем, что быстро растущая Алиса вмешивается в судебное разбирательство, применяет правило 42: «Rule Forty-two. All persons more than a mile high to leave the court». Когда Алиса следует за Белым Кроликом в его нору, она падает в очень глубокий колодец и задается вопросом, не провалится ли она прямо сквозь землю. Любопытный математический факт заключается в том, что падение по туннелю, соединяющему любые две точки на поверхности земли, занимает постоянное количество времени. Чтобы провалиться сквозь землю на другую сторону, Алисе потребовалось бы ровно 42 минуты.

В «Алисе в Зазеркалье» тоже есть отсылки к числу 42. Во время одного из разговоров Алиса сообщает Белой королеве, что ей ровно 7 с половиной лет, что значит 7 лет и 6 месяцев. Умножая 7 на 6, получаем 42. Предположительно, число 42 может быть косвенно связано с важным религиозным документом — изначальными 42 статьями лидера английской Реформации Томаса Кранмера, в которых изложены доктрины англиканской церкви. Позднее эти статьи были сокращены до 39. Будучи священником, Льюис Кэрролл наверняка был знаком с этим документом. Примечательно, что последняя, 42-я статья, позже не включенная в список, гласит: «All Men shall not be saved at the length». Однако вопрос, действительно ли Льюис Кэрролл хотел что-то сказать, ориентируясь на содержание этой статьи, пока остается открытым.

В итоге у Сары Харт в целом получился фундаментальный труд, в котором она подробно раскрывает роль математики в литературе, как в поэзии, так и в прозе, где нередко цифровой символизм лежит в основе всего художественного произведения. Несмотря на то что не все математические аллюзии сразу понятны гуманитариям, тем не менее, книгу можно рекомендовать широкому кругу читателей, поскольку автор ведет повествование в научно-популярном стиле, стараясь не перегружать текст сложными математическими выкладками. Также несомненным достоинством книги является то, что Саре Харт удалось объединить некоторые уже известные факты из области литературы и математики и логически их связать, добавив новую, существенно значимую информацию.

Отдельно стоит отметить представленный в конце книги исчерпывающий список художественных произведений, включающих элементы математики. Большинство из них — работы англоговорящих авторов, которые могут быть в дальнейшем использованы как интересный материал для лингвистического и литературоведческого анализа филологами-англистами. И хотя в цели Сары Харт не входило создание работы филологического профиля, тем не менее, она может послужить отправной точкой для нового и перспективного направления, изучающего связь между математикой, лингвистикой и литературой.

Список литературы

1. Бонч-Осмоловская Т.Б. Комбинаторная литература. — М.: МФТИ, 2008. — 158 с.
2. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста: На материале современной английской литературы. — М.: URSS, 2020. — 208 с.
3. Кобенко Ю.В. От гендиадиса до гендиатетракиса: опыт демаркации симптоматических явлений (на материале современного немецкого языка) // Германистика сегодня: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 16–17 октября 2018 г.) / под ред. М.А. Кульковой. — Казань: Изд-во КФУ, 2019. — С. 98–102.
4. Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. — М.: URSS, 2021. — 166 с.
5. Bayley Melanie. Alice's adventures in algebra: Wonderland solved. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.newscientist.com/article/mg20427391-600-alices-adventures-in-algebra-wonderland-solved> (дата обращения: 14.08.2024).
6. Jones Paul Anthony. Extraordinary Examples of Constrained Writing. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mentalfloss.com/article/88172/8-extraordinary-examples-constrained-writing> (дата обращения: 14.08.2024).
7. Lakoff George. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. Cambridge University Press, 1993. — P. 202–251.
8. Nordquist Richard. What's a Lipogram? [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.thoughtco.com/what-is-a-lipogram-1691244> (дата обращения: 14.08.2024).

9. Pi, Piem and Pipphilology. [Электронный ресурс]. — URL: <https://maths-from-the-past.org/pi-piem-and-pipphilology-2> (дата обращения: 14.08.2024).
19. What Is the Longest Palindrome in English? [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.dictionary.com/e/palindromic-word> (дата обращения: 14.08.2024).

**A BOOK REVIEW: SARAH HART. ONCE UPON
A PRIME: THE WONDROUS CONNECTIONS
BETWEEN MATHEMATICS AND LITERATURE.
FLATIRON BOOKS, 2023. 304 P.**

O.V. Koretskaya

Abstract. The review analyzes the book that reveals the connection between mathematics and literature. The book is written in English by Sarah Hart, PhD in Mathematics. The author's goal is to explain why mathematics can be considered as a type of art and how this idea has developed throughout history in a number of literary works. The genre of the book is popular science. The author examines digital symbolism, mathematical metaphors and images in poetry and prose in a quite understandable, non-professional language. Many of the poems, as well as short stories and novels, were written by British and American writers, which is of interest to philologists dealing with the English language. The book consists of three parts, the first of which is devoted to mathematics and poetry, the second one describes mathematical allusions, and the third one considers the role of mathematics in global vertical context.

Keywords: **mathematics** as art, mathematical allusion, pipphilology, constrained writing, vertical context.

References

1. *Bonch-Osmolovskaya T.B.* Kombinatornaya literatura [Constrained writing]. — M.: MFTI, 2008. — 158 p.
2. *Gyubbenet I.V.* Osnovy filologicheskoy interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta: Na materiale sovremennoy angliyskoy literatury [Fundamentals of philological interpretation of text: a study of modern literature]. — M.: URSS, 2020. — 208 p.
3. *Kobenko Y.V.* Ot gendiadisa do gendiatetrakisa: opyt demarkatsii simptomaticheskikh yavleniy (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)

- [From Hendiadis to Hendiatetrakis: An Experience of Demarcating Symptomatic Phenomena (With Special Reference to Modern German)]. In: *Germanistika segodnya* [Germanic studies today] / Ed. by M.A. Kulkova. Proceedings of the International scientific conference. — Kazan: Kazan Federal University, 2019. — P. 98–102.
4. *Lipgart A.A.* Osnovy lingvopoetiki [Fundamentals of linguistic poetics]. — M.: URSS, 2021. — 166 p.
 5. *Bayley Melanie.* Alice's adventures in algebra: Wonderland solved. [Electronic resource]. — URL: <https://www.newscientist.com/article/mg20427391-600-alices-adventures-in-algebra-wonderland-solved> (accessed: 14.08.2024).
 6. *Jones, Paul Anthony.* Extraordinary Examples of Constrained Writing. [Electronic resource]. — URL: <https://www.mentalfloss.com/article/88172/8-extraordinary-examples-constrained-writing> (accessed: 14.08.2024).
 7. *Lakoff George.* The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* [ed. by A. Ortony]. Cambridge University Press, 1993. — P. 202–251.
 8. *Nordquist Richard.* What's a Lipogram? [Electronic resource]. — URL: <https://www.thoughtco.com/what-is-a-lipogram-1691244> (accessed: 14.08.2024).
 9. *Pi, Piem and Piphilology.* [Electronic resource]. — URL: <https://maths-from-the-past.org/pi-piem-and-piphilology-2> (accessed: 14.08.2024).
 10. What Is the Longest Palindrome in English? [Electronic resource]. — URL: <https://www.dictionary.com/e/palindromic-word> (accessed: 14.08.2024).

НАШИ АВТОРЫ

Герасимова Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: anna.matveeva@math.msu.ru.

Захарова Анна Владимировна — преподаватель кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: anna.zahkarova@math.msu.ru.

Карпова Любовь Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: lyubov.karpova@math.msu.ru.

Корецкая Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: olga.koretskaya@math.msu.ru.

Оберюхтина Мария Викторовна — старший преподаватель кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: maria.oberyukhtina@math.msu.ru.

Старикова Елена Игоревна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: elena.starikova@math.msu.ru.

Тюрина Елена Салаватовна — преподаватель кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: elena.turina@math.msu.ru.

Шевцова Вероника Мирсатовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес электронной почты: veronika.shevtsova@math.msu.ru.

OUR AUTHORS

Gerasimova Anna Sergeevna — PhD in Philology, Associate Professor in the Department of the English language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: anna.matveeva@math.msu.ru.

Karpova Lyubov Sergeevna — PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: lyubov.karpova@math.msu.ru.

Koretskaya Olga Vladimirovna — PhD in Philology, Associate Professor in the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: olga.koretskaya@math.msu.ru.

Oberyukhtina Maria Viktorovna — Senior Lecturer in the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: maria.oberyukhtina@math.msu.ru.

Shevtsova Veronika Mirsatovna — PhD in Philology, Senior Lecturer in the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: veronika.shevtsova@math.msu.ru.

Starikova Elena Igorevna — PhD in Philology, Associate Professor in the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: elena.starikova@math.msu.ru.

Tyurina Elena Salavatovna — Lecturer in the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: elena.turina@math.msu.ru.

Zakharova Anna Vladimirovna — Lecturer in the Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, MSU. Email: anna.zahkarova@math.msu.ru.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**
**CURRENT ISSUES IN THE THEORY AND PRACTICE
OF MODERN ENGLISH**

Труды научно-практической конференции

Под редакцией доцента *Л.С. Карновой*

Оригинал-макет подготовлен в Издательстве «КУРС»

Подписано в печать 12.05.2026.

Формат 60 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,25.

Тираж 500 экз. Заказ №

ТК 696168-994439-120526

ООО Издательство «КУРС»

127273, Москва, ул. Олонецкая, д. 17А, офис 104.

Тел.: (495) 203-57-83 E-mail: kursizdat@gmail.com <http://www.kursizdat.ru>